Ночь падших ангелов

Автор:
Дарья Кожевникова

Ночь падших ангелов

Дарья Сергеевна Кожевникова

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Гуляя после работы по набережной, Роман Тарталатов знакомится с сектанткой Ланой. И хотя он далек от проповедей, которые читает ему девушка, он встречается с ней снова и снова, понимая, что влюбился.

Беспокоящиеся за Романа родственники выясняют, что проповедующие днем на набережной сектантки ночами перевоплощаются в ночных бабочек – неких падших ангелов. Но вместо того чтобы отвратить Романа от Ланы, это заставляет его загореться желанием ей помочь. Вот только сделать это можно лишь одним способом – проникнув в секту изнутри…

Дарья Кожевникова

Ночь падших ангелов

Посвящается Ярызько Сергею Александровичу, человеку необыкновенной силы воли, мужества и отваги, вызывающих у меня искреннее восхищение..

От Автора

© Кожевникова Д. С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Иннокентий Евстахов изучил последний листок отчета, составленного его помощниками, и убрал папку с документами в тайник под сейфовым замком. Слишком криминальная была бухгалтерия, чтобы можно было хранить ее где-то еще.

– Дела неплохо идут, – поделился он мыслями с Захаром, своим помощником. – Теперь надо бы эти деньги легализовать да пустить в оборот под проценты. Есть у меня один подходящий вариант: банк я хочу к рукам прибрать. Только для этого придется вначале справиться с его хозяином, слишком уж стреляным воробьем. Такого легче устранить, чем обвести вокруг пальца. Но я дам ему шанс. А пока… что у нас там со следующей отправкой товара, решили вопрос?

– Решили – лучше не бывает! Курортный город, курортный сезон! Самое подходящее время! Найти машину из нужного нам региона – раз плюнуть! Сейчас вот начиним одну товаром, и водила на халяву доставит нам его в нужное место, знать ничего не зная. А там, на месте, останется только еще раз до машины добраться да незаметно вынуть все заложенное. Ребята у нас в мастерской специально так прячут, чтобы изъятие можно было провести быстро и без проблем. Почти никакого риска!

– Никакого, кроме финансового, если вдруг что-то пойдет не так, – проворчал Иннокентий, очень не любивший терпеть убытки. Особенно эта нелюбовь обострилась в последние два года, за которые он не раз прогорал, лишившись поддержки своего влиятельного компаньона, Бориса. Еще пару лет назад Борис был в этом городе подпольным императором, той сметающей любые препятствия силой, к которой Иннокентий всегда мог обратиться за помощью. В обмен на половину прибыли, разумеется. Но по тем временам прибыль была такова, что, даже отдав Боре его жирный кусок, оставалось, чему порадоваться.

Борис держал стальной рукой и город, и весь район. У него были связи для решения административно-дипломатических вопросов, а также отряд боевиков, способных уладить все, на что связей не хватало. При такой поддержке

Иннокентий не знал провалов в реализации своих идей. А потом все резко закончилось. Боря внезапно и глупо погиб, и с кончиной императора сама его империя развалилась почти в одночасье.

Никто из Бориных приспешников не смог занять его место, не сумел вести дела так, как он. Ни хитрости, ни авторитета ни у кого для этого не хватило.

И надо же Боре было так нелепо погибнуть в самом расцвете лет, всего лишь погнавшись за каким-то сопляком на мотоцикле! Сопляком, посмевшим шантажировать Борю – то ли по глупости своей, то ли от незнания, с кем он, вообще, имеет дело.

Борю этот щенок очень тогда рассердил. И попадись он, Борины бойцы его без наркоза на молекулы бы разобрали. Боря, вообще, такие забавы любил, оттого и принял личное участие в той «охоте на дичь». Но на стороне щенка сыграла сама судьба, распорядившись, чтобы Боря во время погони попал в автокатастрофу. И с его гибелью сразу все пошло наперекосяк.

Полиция резко активизировалась. Боевики, наоборот, рассредоточились, потеряв своего главнокомандующего. А отлаженные Борей системы обогащения начали ломаться одна за другой, начиная с «Золотой тайны», стриптиз-клуба, в котором Боря организовал очень даже прибыльные гладиаторские бои, где девушки выходили сражаться против собак, а ставки взлетали до небес.

Это любимое Борино детище было захвачено ОМОНом в первый же день после его гибели, а Иннокентий там тоже свою немалую долю имел. С тех пор дела у Иннокентия пришли в упадок. И до недавнего времени все его попытки поправить свое финансовое положение заканчивались крахом. Успех замаячил на горизонте лишь в последние месяцы, когда отчаявшемуся Иннокентию пришла мысль обратиться за помощью к самому богу. Прибыль, такая, к какой он привык при Боре, наконец-то снова потекла к нему в руки. Но страх перед убытками все равно оставался: чем больше увеличивались доходы, тем страшнее было терять.

– Что-то может пойти не так и у наших собственных курьеров, от случайности никто не застрахован, – возразил Захар, не догадывавшийся о мыслях своего босса. – Те, если попадутся, то еще и что-то выболтать могут. А наши перевозчики поневоле – ничего. Мы же будем использовать их вслепую. Знай

выбирай регион да начиняй машину перед отъездом.

– Ладно, молодцы, хорошо придумали, – сдался Иннокентий. Задумчиво потер рукой кончик носа – привычка, от которой он никак не мог избавиться. Хотя она никого так не раздражала, как его самого. Словно он этим своим жестом специально активировал внимание на этой своей части лица, мясистой и вздернутой, за которую, как он знал, ему даже прозвище дали: Ноздрев.

Ах, как его это из себя выводило! Он в свое время даже хотел пластику сделать, но не стал, чтобы не показывать окружающим, как его задевает их внимание к его носу.

Но теперь все изменилось. Отныне его лик совершенен, как бы он при этом ни выглядел! На него молятся, перед ним падают ниц! И почему это ему раньше в голову не пришло: там, где невозможно чего-то добиться нахрапом, как это Боря умел, можно действовать исподволь, завладевая умами людей.

Он, врач-психиатр по образованию, начал этот свой новый бизнес вроде как с лекций о здоровом образе жизни. Обрел своих почитателей, начал собирать полные залы. А потом ненавязчиво, но весьма стремительно его учение начало приобретать религиозную окраску. И – успех!

Этому многое способствовало: его проникновенный голос, его тщательно продуманные речи. А главное – добавки, что тлели в кадильницах у его помощников, вызывающие восторженное состояние, доходящее почти до эйфории. Против такого коктейля мало кто мог устоять, и количество горячих поклонников Иннокентия (теперь – святого Евстафия) стремительно росло. Сейчас дошло уже до того, что они организовали свою общину на территории города, где у Иннокентия еще в его лучшие времена с целью вложения денег был выкуплен солидный участок земли – бывший пионерский лагерь.

Тут некоторые Борины солдафоны, оставшиеся беспризорными, попытались сунуться к Иннокентию с рэкетирским наездом, и это оказалось очередной удачей. Он узнал их, а они – его, после чего все взаимные претензии сошли на нет, а вместо этого появилось совместное дело. Да теперь уже не одно! Так что в последнее время «Святой Евстафий» лично уже не проповедовал. Теперь он лишь изредка появлялся среди своей паствы, чтобы поддерживать в них религиозный огонь. Ну, и еще одно исключение делал – для своих девочек, для

своих несравненных «падших ангелов», которые ради преподобного были готовы на все.

Вот и сейчас, заканчивая разговор, Иннокентий поинтересовался у Захара:

– Ты сестру Млаву с собой привез?

– Конечно, как вы просили.

– Тогда ты свободен, а ее сюда позови.

Помощник понимающе ухмыльнулся и вышел, заставив Иннокентия нахмуриться: каков мерзавец, а? Или думает, этой его ухмылки не было заметно? Впрочем, за верную службу многое можно простить. Даже то, что и этот ушлый тип, и три курирующих лагерь «наместника» тоже не упускали случая побаловаться с «падшими ангелами», покорными их «святой воле».

– Здравствуй, дитя мое! – проникновенно сказал он ладной и статной девушке, шагнувшей к нему через порог.

– Здравствуйте, преподобный! – благоговейно выдохнула она, не поднимая глаз.

– Ну, что же ты стоишь у дверей? Пройди, дитя! – позвал Иннокентий, разваливаясь на диване и задирая свою рясу, специально надетую для этого случая. – Помоги мне! Послужи мне своим светлым грехопадением!

Неслышно ступая, сестра Млава подошла к дивану и опустилась перед ним на колени.

* * *

Роман Тарталатов возвращался с работы. Генка подкинул его на машине от промзоны, где находилось их предприятие, до города, а дальше – сам, один. Пешком, неторопливо по набережной, оглядываясь на проходящих мимо людей. Те шли каждый со своими мыслями, и наверняка ни один из них не думал о том, какое это счастье – просто уметь ходить.

Эту свою возможность люди воспринимали как должное, не то что он, который несколько лет был прикован к инвалидному креслу. А вот сегодня он тоже шел, сам, с работы домой! Правда, с тросточкой, теперь – с его неизменной спутницей, но после всего пережитого это была уже сущая ерунда.

Он ходил! И даже не поленился сделать сегодня крюк, чтобы на набережной побывать.

Роман остановился у невысокой, по пояс, балюстрады, огораживающей набережную от пляжа и спуска к нему, подставил лицо освежающему бризу. Летний южный день уже шел к своему завершению, солнце уже не палило так, как в полдень, но воздух был напоен зноем, и тонкая рубашка на спине все равно была влажной.

А вода заманчиво играла перед ним золотыми переливами солнечного света, скользящего по волнам, таким же легким, как и поднявший их ветерок. Она была прозрачной, словно хрусталь, можно было разглядеть каждый камешек, каждую веточку водорослей на дне. И дальше, где дно уже не охватывалось взглядом, эта прозрачность все равно угадывалась – по цвету морской воды, более светлой над песчаным дном и более темной там, где дно было покрыто подводным лесом.

Скинуть бы сейчас с себя одежду, разогнаться бы и нырнуть! Вынырнуть уже далеко за линией прибоя и мощными гребками понести себя дальше, сквозь этот прохладно-лазурный шелк!

Но вот об этом Роман мог только мечтать, любуясь водой с берега. В море он забирался только при помощи Генки, своего названого брата, мужа сестры. Да и то они выбирали для этой цели пустынные дикие пляжи, потому что здесь, среди множества людей, особенно среди бегающих по мелководью ребятишек, Роман стеснялся раздеваться и показывать свое тело.

Гена с Аглаей, его родной сестренкой, дружно уговаривали его: «Да не сходи ты с ума, будь ты проще! У тебя же что плечи, что торс – как у Аполлона, вообще, статуи можно лепить!» Да, наверное, так. Можно лепить статуи, если при этом ниже пояса не смотреть.

И преодолеть себя, скинув на многолюдном пляже брюки, Роман не мог. Быть может, в будущем, когда он станет старше, он сможет побороть свои комплексы, или они сами к тому моменту отступят на второй план. Скажем, годам к сорока. Но сейчас ему еще и тридцати не исполнилось.

– Молодой человек! Можно задать вам вопрос?

Он был не старым и не собакой, просто так задумался, что не сразу понял: это к нему обращаются. Девушке пришлось еще раз его окликнуть, чтобы он наконец развернулся к ней. И застыл, разглядывая это чудо. Право, было, на что посмотреть! Девушка была тоненькой, какой-то уже за гранью реальности, особенно руки, сжимающие уродливую холщовую торбу. Юбка на ней, как у цыганки, была почти до земли. Но у цыган одежда пестрая, радует глаз, а у этой – черный низ, коричневый верх. Кофта с рукавами, несмотря на жару. Вон, даже капельки пота виднеются на аккуратном курносом носике. Волосы золотистые, прямые, длинные, поперек лба на древнеславянский манер перехвачены узкой ленточкой.

– И что же тебе, дитятко, надо? – Роман сумел не улыбнуться, когда увидел ее, но не удержался от иронии – ну слишком уж серьезный вид у нее был.

– Я не дитятко! – девушка смутилась, вспыхнула.

– Правда? – спросил он, стараясь сохранять серьезный вид. – Ну ладно, поговорим тогда как взрослые люди! – Чего она от него хотела, и так было ясно: этот серый мышонок, так диссонирующий с залитой солнцем набережной, мог быть только из очередной какой-нибудь секты. Вроде в этом году какие-то «дети солнечного бога» были у них в городе на слуху. – Хочешь узнать, верю я в бога или нет? Таки да, малыш! В Гефеста, в Посейдона. В Бахуса – так вообще не вопрос!

– Бог может быть только один! Истинный бог! – с жаром выдохнула девчушка. – Свет и любовь! Все остальное – ересь, ведущая во зло и во тьму!

Ну да, как всегда! Имена богов меняются, суть остается прежней: только у них, в секте, истинный, все остальное – фигня! Как будто для каждой религии на небе сидит свой персональный бог, а на земле просто надо выбрать кого-то из них, ну чисто депутата из общей кучи рвущихся на вожделенное место! Смешно!

Но девчонка такая вся какая-то беззащитная, с таким трогательным лицом и чистыми глазами, какие обычно бывают лишь у детей. Не хочется обижать ее, отправляя посылом куда подальше. Только он сегодня устал. Остановился вот на море полюбоваться, а тут эта дуреха с ее «божественными идеями» и с книгами, легко угадывающимися в уродливой торбе. Стоит и так на него смотрит, что больше всего ее хочется просто приобнять, ласково похлопав по тоненьким плечикам, а не всякие бредни выслушивать.

Нет, не может он этого ребенка обидеть!

– Ты хочешь, чтобы я послушал о твоем боге, малыш? – Роман усмехнулся, заметив, как ее смущает такое его обращение. Но он никак не мог назвать ее по-другому! – Хорошо, я согласен, если ты меня слишком рьяно мучить не будешь. Только для начала давай с тобой присядем вон на ту скамеечку, – он кивком указал на скамью со спинкой, заманчиво пустующую под сенью пицундских сосен. Местечко было уютное, даже с претензией на некоторую интимность, так что наверняка пользовалось популярностью у влюбленных парочек с наступлением темноты. Но девчушка и сейчас вся вспыхнула:

– Я… да вы что?!

– Успокойся, я ничего дурного не имею в виду. Не в моих привычках детей обижать. Просто наш с тобой разговор займет какое-то время, а мне долго стоять тяжело.

Тут только девушка заметила его трость, приставленную к балюстраде. Перевела взгляд с нее на лицо ее хозяина. Он улыбнулся ей не слишком-то весело, а потом жестом фокусника приподнял обе свои брючины, обнажая не ноги, а современные конструкции из металла и пластика. Аечка, сестренка, на пару с Геной постарались, чтобы у него были одни из лучших протезов, потому что обеих ног у него не было до самой верхней части бедра, так что даже один сустав пришлось протезировать.

Как и следовало ожидать, девчушка после такой демонстрации снова залилась краской, но уже совсем по другой причине. Тон ее изменился, стал участливым:

– Прости, брат мой! Я вижу, что ты в этой жизни страдал! Тогда нам есть о чем поговорить. Пойдем. Устраивайся, как тебе будет удобнее.

Он устроился – сел на скамейку отточенным движением, чтобы при смене положения не сбить крепления на протезах. Как ни крути, а передвигаться на них было совсем не то, что на живых ногах, и имелось множество нюансов, неведомых здоровым людям. Но он, в прошлом мотоциклист-ас, обладающий отменной координацией, сумел освоить эту науку. Тем более что выбора у него все равно теперь не было.

– Ну вот… тебе удобно… ничего не беспокоит? – заботливо спросила девчушка, присаживаясь на самый край скамейки, вполоборота к нему.

– Нормально. – Он снова окинул девушку взглядом. Сдержал улыбку, заметив, что она опять смутилась, такая вся беззащитная и диковатая, как маленький котенок. – Может, скажешь, как тебя зовут, малыш?

– Милана… сестра Лана, так меня называют.

– А я – Роман.

– Брат Роман. Ты позволишь так тебя называть? Я чувствую в тебе душу, способную познать бога во всех его откровениях.

– Ну что ж, давай. – Его забавляла восторженность в ее глазах, она теперь смотрела на него, как на мученика. Но сам он таковым себя не считал.

Совсем не слабак по натуре, он, потеряв обе ноги, может, и готов был сломаться, но Айка с Геной не дали. Расшевелили, да еще как! Он быстро забыл о своей депрессии, когда ему пришлось бороться с убийцей любимой девушки и спасать от смерти собственную сестру. А дальше были клиника и протезы. И работа в автомастерской, начатая, еще когда он с кресла не встал. В общем, шаг за шагом, но он в этой жизни поднялся после того, как его искалечили, пусть и не на свои ноги, и не видел повода зацикливаться на своем состоянии, разве что на пляже. А помимо пляжа он привык бороться и идти вперед, дорожа каждой маленькой победой, что вроде бы мученикам совсем не пристало. Или он как-то не так их себе представлял.

Лана начала свою проповедь издалека. Он не слишком вдумывался в то, что она говорит, а просто пытался ухватить смысл сказанного. Сам же все смотрел и смотрел на нее, на тоненькую, робкую. И любовался этой нежной девчушкой. Он таких еще никогда не встречал! Даже в своей прошлой разгульной жизни, когда на своем великолепном байке катал то одну, то другую девчонку, а потом расставался с ними, не оглядываясь, хотя от него порой ожидали совсем другого.

Но он никогда никого не обманывал, потому что, поступи так кто с его родной сестренкой, он бы обидчика по стенке за это размазал. Так что каждой своей знакомой он сразу честно заявлял, что к серьезным отношениям не готов, предоставляя ей выбор: связываться с ним, непутевым, или послать подальше.

Некоторые в самом деле посылали, едва выслушав, за что он не обижался, ведь именно ради этого предупреждал. Некоторые воспринимали его таким, каков он есть, завязывая с ним непродолжительную, но увлекательную интрижку. А были и такие, кто непонятно на что надеялся, несмотря на его честное предупреждение.

Но в любом случае заканчивалось тем, что он уезжал в своей кожаной косухе под басовитый рокот мотора.

А потом судьба, словно ему в отместку, поменяла роли. И в его жизни появилась Аллочка, Айкина подруга, которую уже он, потерявший ноги, безнадежно влюбленный инвалид, просто боготворил. Прекрасно понимая, что перспектив у него с ней нет и что редкие счастливые минуты с ним наедине Аллочка дарит ему лишь из сочувствия. Он принимал их с благодарностью, больше ни на что не претендуя, а только мечтая после о том, как у них все могло бы быть, сложись все иначе.

Но даже к своей обожаемой Аллочке Роман не испытывал такой вот внезапной нежности, как к этой девчушке, что сидела сейчас перед ним. Тоненькая, хрупкая, беззащитная. И ради того, чтобы она еще побыла с ним рядом, Роман был готов выслушивать любой религиозный бред. Впрочем, зерно здравого смысла в ее речах было. Вперемешку с религиозным мусором и логика присутствовала, и философия. Роман мог оценить ее речь по достоинству, ведь высшее образование он не получил лишь потому, что вскоре после его возвращения из армии погибли их с Айкой родители, и он, тогда еще не инвалид, остался с сестрой-подростком на руках. В такой ситуации ему пришлось забыть

о себе и своих планах на будущее, но это не означало, что он разучился читать и думать.

А Лана все вещала, вдохновленная его вниманием. О боге, о перерождении после смерти (не христиане, значит, ребята?), о поэтапном переходе от одной ступени жизни к другой. Это уже чем-то смахивало на буддизм. Впрочем, бессмысленно было пытаться квалифицировать то, что слеплено из кусков. Но слеплено было продуманно и добротно! И лейтмотив почти всех религий – смирение – поставлено во главу угла.

Смирись, и за это воздастся тебе в следующей жизни. А в нынешней жизни даже не помышляй о том, чтобы правду искать! Ведь те, кто сейчас правит миром, даже если делают это несправедливо, то не просто так это могут – нет, это им богом дано за заслуги в их прошлой жизни.

На каком-то этапе, слушая Ланочку, Роман ощутил прилив ярости: смириться, когда тебя калечат за то, что ты отказываешься участвовать в убийстве? Или смириться, когда обнаглевший от своей безнаказанности старый садист, мнивший себя хозяином этого города, пытается твою сестру растерзать зубами неадекватной, наколотой препаратами собаки? Так же, как растерзал уже Аллочку, ставшую его первой жертвой?

Будь перед Романом сейчас не Лана, он, переживший все это, нашел бы, что ответить на призывы к смирению. Но у нее лишь спросил, сдерживая эмоции:

– Скажи, малыш, а если эти, кто сейчас на верхней ступени перерождения, выделывают такое, что даже последней твари в голову не взбредет? Тогда перед ними тоже не следует роптать?

– Да! – выдохнула девчушка после небольшой паузы и с таким видом, что нетрудно было догадаться: она и сама не раз задавалась этим вопросом, но сумела себя убедить в правильности проповедуемых заповедей. – Бог их будет судить по окончании очередного этапа их жизни. А сейчас им позволено все за их прошлые заслуги.

– Понятно. – Роман вздохнул. Его так и тянуло спросить: «Девочка, милая, наивная, как ты попала сюда? Может, родители тебя сейчас ищут вовсю по всей матушке-России? А ты здесь, как в липкой паутине. И свято веришь, что так и

надо, что ты тут необходима, чтобы творить добро». – Лана, а сколько тебе лет?

– Зачем тебе это, брат мой? – растерялась она.

– Ну вот, только я отвернулась, как он себе еще одну сестренку завел! – усмехнулась незаметно подошедшая к ним девушка.

Айка! Как некстати! Наверное, шла с работы – кафе, где она работает поваром, расположено неподалеку, на набережной, – и, наученная в этой жизни все примечать, сумела высмотреть брата даже в его маленьком убежище на скамейке. Но не судьба было при этом сообразить, что к чему, и мимо пройти?

Ромка постарался, чтобы по его лицу сестра поняла, что он сейчас про нее думает, однако Айку это не заставило быстренько исправиться и исчезнуть.

– Здравствуйте! – кивнула она девушке, без приглашения присаживаясь на скамейку рядом с братом. – А и в самом деле, сколько вам лет?

– Двадцать четыре, – тихо пролепетала Лана.

Надо же! Оказывается, она даже чуть старше Айки! А он бы ей больше восемнадцати никак не дал. Наверное, ее хрупкость тому причиной, и лицо трогательное, беззащитное. Айка, сестренка, тоже была худенькой, но смотрелась совсем иначе. Отчаянная девчонка, которой палец в рот не клади, и уж вторую щеку обидчику точно никогда не подставит! Может, Ромкино «мальчишеское» воспитание на ней так сказалось, но у Айки даже по глазам видно, что она не из робких безответных ангелов. А вот Лана… та, казалось, сейчас готова была заплакать.

– Лануська, малыш… – Роману ничего не оставалось, как представить девушек друг другу под внимательным взглядом сестры.

Ну догадалась бы отсюда свалить, ведь всегда же все понимала на уровне мысли! Но, похоже, на этот раз Айка просто не желала оставлять его здесь. Что ему оставалось делать? Не силой же ее отсюда выталкивать! А в ее присутствии дальнейший разговор с Ланой не заладился. Пришлось, смиряя, как и заповедано, все свои эмоции, подниматься с милой сердцу скамейки под

взглядом Ланы, зовущим и трепетным.

Но Роман не прощался с Ланочкой насовсем! Пусть там Айка хоть обфыркается у него за спиной, а несколько книг он у девушки взял и дал ей свой телефон, чтобы они могли договориться о следующей встрече.

Отойдя от заветной скамейки, Роман хмуро обратился к сестре:

– Давай сюда пакет, книжки в него заодно положу.

– Смотри, чтобы не запылились, – вздохнула она с фальшивым сочувствием, без споров отдавая ему свою ношу. Знала, что в этом отношении он не терпит к себе поблажек: сумки должен нести мужчина, а с ногами он или без, это уже его собственные проблемы.

– Не запылятся, – буркнул он, не делая попыток равноценно ответить на ехидный выпад сестры.

– Ваша светлость не в настроении? – спросила Айка, озадаченно взглянув на брата.

– Представь себе! Айка! Какого лешего тебя принесло? Ведь я же не суюсь на кухню, когда вы там, типа втихаря, с Генкой целуетесь!

– Ромка! – Теперь сестра выглядела удивленной. – Я-то думала, что эта девица взяла тебя в оборот, а ты по доброте душевной не можешь сам от нее отмазаться. А ты что, оказывается, запал на эту бесцветную шва… ой, прости! – осеклась она под хмурым взглядом Романа. Но все же закончила, уже с озорным огоньком в глазах: – …бру? – И продолжила, снова переключаясь на серьезный тон: – Ромка, а оно тебе надо, с такими связываться? Она же сектантка! Запудрит тебе мозги…

– Айка, мне сколько лет? – невинно осведомился он.

– Да большой, большой уже мальчик! Но знаешь, в эти секты людей постарше тебя, а может, и поумнее затягивали. Это же целая наука, поставленная на поток!

– Не переживай, со мной все в порядке будет. Да пробегу глазами по ее брошюрам, но только чтобы с ней в следующий раз беседу поддерживать.

– Все начинается с малого! – не сдавалась сестра.

– Айка, ну хватит! – Роман все еще был под впечатлением от Ланочки, так что говорить ему сейчас не хотелось, а думать тянуло совсем о другом. – Вижу, что она тебе не приглянулась. Но вспомни, что Генку я в первый раз тоже не слишком приветливо встретил. А теперь?

Теперь, после всего пережитого, они были друзья – неразлейвода. Еще с тех пор, как Генка на спине стаскивал его, безногого колясочника, с лестницы, чтобы на море первый раз отвезти. Потом Гена открыл Роману глаза на то, что его сестра участвует в подпольных боях с собаками в клубе «Золотая тайна», где Аллочка была убита, и они вместе продумывали, как Айку оттуда вытащить, попутно развалив все это подполье.

Получилось. Владелец клуба, Борис, был теперь мертв, а следствие по делу о нелегальном ринге велось до сих пор. Влиятельные дяденьки, зрители ринга, попавшиеся на этой забаве, затягивали его, как могли. И Романа это выводило бы из себя, если бы не одно «но»: Айка, как участница тех событий, тоже до сих пор была под следствием. Один только Гена смог этого избежать, потому что он, бывший тогда одним из охранников, как раз в момент захвата клуба ОМОНом отлучился на склад за вином. А когда другие охранники клуба попытались заикнуться про него приехавшему следаку, тут уж Айка вмешалась: либо о Генке, без того уже судимом, они молчат себе в тряпочку, либо она раскроет рот и такого про них про всех наплетет! Чего было и чего не было! Вовек не отмоются.

Ах, не по совести поступает? А топить с собой товарища, которому повезло ускользнуть, – это по совести? Вам от того, что у него тоже будут неприятности, все равно легче уже не станет!

И ведь сумела там всех убедить!

Зная Айкин характер и то, что она не станет слов на ветер бросать, никто про Генкино участие в том деле даже не заикнулся. Он же, Генка, стал с того времени опорой для их семьи. Работы в «Золотой тайне», конечно же, лишился,

но гулял без нее недолго. Их с Ромкой общие приятели помогли, из местного байкерского клуба «Летящая стая». Дали ему рекомендации в крупную автомастерскую, куда Генку, классного автослесаря, и так бы приняли, если бы не его судимость. Таких работодатели остерегаются брать, поэтому Генке пришлось максимум усилий приложить, чтобы оправдать оказанное доверие. Но он справился, даже сумел выбиться в старшие смены.

А потом… потом он взялся за Ромку: ты, брат, со своим богатым опытом не хочешь ли тоже делом заняться? Ног нет? Но голова-то и руки твои золотые на месте! Будешь сидя работать, это осуществимо, а дел там – невпроворот.

И Ромка решился! За что потом не раз Генку благодарил. И дело было даже не в стабильном источнике дохода. Просто благодаря работе Ромка еще до того, как встал на протезы, снова почувствовал себя самостоятельным и нужным. Одним словом, вернувшимся в строй.

Вот только с личной жизнью все обстояло хуже. Возможности для знакомства были, и на работе женский пол проявлял к нему интерес, даже зная о его увечье. Но после Аллочки ни одна из женщин не находила отклика у Ромки в душе. Не цепляло. Вплоть до сегодняшнего дня, когда его угораздило встретиться на набережной с этим нелепым и трогательным существом.

Бывает же такое! Вот тебе и ответ на вопрос, существует ли любовь с первого взгляда! Еще сегодня днем Ромка, не колеблясь, ответил бы «нет» на подобную глупость. А вот теперь этот вопрос заставил бы его задуматься. Потому что он никак не мог выкинуть Лану из головы! И даже испытывал что-то вроде ревности при мысли, что не только к нему она подходила со своими беседами. Что всяк, кому не лень, может с ней болтать, а кто-то – еще и ранить эту милую девочку грубым словом.

2

Семейка у них была как на подбор! Айка, ради того, чтобы заработать брату на протезы, начавшая участвовать в подпольных гладиаторских боях. Гена, когда-то уничтоживший подонка, погубившего его сестру Верочку, но благодаря влиятельному папаше сумевшего избежать законного наказания. И он, Роман,

вначале работавший на Бориса, «серого кардинала», когда-то захватившего весь этот город, потом искалеченный его боевиками за неповиновение, а после принявший активное участие в уничтожении этого нелюдя наравне с Геной и Айкой. Но зато они, все трое, знали, кто чего стоит, и не имели друг от друга никаких секретов.

Вот и свои вспыхнувшие к Лане чувства Роман не стал скрывать. Гена с Айкой удивились его неожиданному признанию и явно его не одобрили, но при этом без споров взялись ему помочь: Роману нужна была информация об этой новоявленной секте, и они обещали ее собрать. А сам он в свободное время взялся за изучение Ланиных книжек, из которых почерпнул самое главное: если хочешь зомбировать человека, тверди ему одну и ту же «истину» постоянно, через каждые несколько фраз, но только делай это на разные лады, стараясь не повторяться. И тогда человек, не имеющий в этой жизни сильных пристрастий или реально близких ему людей, сам не заметит, как такое вот «учение» заполнит его душевную пустоту. Он зациклится на нем и сам придет в общину, где все это проповедуют. Уверенный в том, что все это ему крайне необходимо и что другого пути у него просто нет. Если, конечно, идти путем праведным. Но ведь только такой и надо в жизни искать, разве нет? А там главное – только б с него не сбиться! Это становилось навязчивой идеей. Ведь иначе – верная гибель!

Читая весь этот хорошо продуманный текст, сулящий спасение кающимся и гарантирующий им счастье в следующей жизни, Роман не мог не оценить писателя по достоинству. Как он там себя называет? Святой Евстафий? Умен, ничего не скажешь! Как грамотно сплетающий свою паутину паук, из сетей которого уже мало кто сможет выбраться.

* * *

Спустя неделю, получив новые отчеты, Иннокентий остался очень доволен: дела шли даже лучше, чем он ожидал. Община росла, увеличивая его благосостояние с каждым новым адептом. Ведь даже если новообращенный в своей прежней жизни не был обременен недвижимостью и не принес светлейшему Евстафию документы на свою квартиру в обмен на старый летний домик в лагере с птичьими правами на проживание в нем, тому это все равно было выгодно. Потому что работающий человек ежемесячно нес в общину свою зарплату, а питался и обходился уже только тем, что ему взамен за это дадут: перловкой, плюс списанными пищевыми отходами с рынка да дешевым тряпьем. Те же, кто

до прихода в общину нигде не работал, становились дармовыми (лишь за еду!) рабочими лошадьми, тоже вносившими свою лепту в обогащение «святого сообщества».

Иннокентий уже успел обзавестись пошивочным цехом, загородной фермой, а также сырьевым заводиком на месте карьера. Работа на этих объектах была тяжелой, но попавшиеся на крючок адепты продолжали регулярно зомбироваться тщательно продуманными проповедями, так что даже не пытались роптать. Наоборот, видели в своем тяжком труде радость очищения от прежних грехов. Что позволяло Иннокентию радоваться при виде еженедельных отчетов о прибыли. Хотя, конечно, главная прибыль была не от рядовых членов общины.

Взгляд Иннокентия остановился на итоговых цифрах. Львиную долю прибыли ему несли работники его подпольной лаборатории во главе с Архипом, спившимся гением-химиком, которого Иннокентию когда-то пришла счастливая мысль подобрать. И хотя от Архипа, законченного алкаша, бывало немало хлопот, «святой Евстафий» порой сам на него готов был молиться. Ведь именно Архип изготавливал не имевшие цены гормональные препараты, которые Иннокентий уже не раз применял во многих своих замыслах, начиная с «Золотой тайны». А кроме того, под руководством этого химика команда его лаборантов синтезировала несколько видов «дури».

Некоторые из наркотиков шли для внутреннего использования, а остальные – на продажу. И они стремительно завоевывали рынок. Опасаясь сразу наводнять препаратами город, чтобы не выдать место их производства, да и просто расширяя свою торговлю, Иннокентий сбывал их в разных регионах. Он нашел точки сбыта, поскольку еще при Боре занимался похожим бизнесом. А его помощники придумали, как переправлять товар, начиняя им машины ничего не подозревающих лохов. Проделывалось это ночью, когда машины тайком от владельцев доставлялись на трейлере в автомастерскую, оборудованную на территории общины.

А еще у Иннокентия был нищенский бизнес, который ему помогли захватить Борины, а теперь его собственные боевики. Пришлось повозиться, потому что прежние хозяева не желали расставаться с прибыльным делом, так же как и с городским рынком, который Иннокентию тоже удалось отвоевать.

Ну и еще одним, очень прибыльным и, несомненно, самым чарующим источником дохода у Иннокентия были девочки. Его неотразимые «падшие ангелы», днем способные завлечь проповедью новых адептов, а ночью успешно собирающие дань с мужчин при помощи «богоугодного грехопадения».

«Падшие ангелы» с их религиозным рвением на многое были способны. Иннокентий и сам испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, когда развлекался с очередной из них.

Убрав отчеты, он сладко зажмурился. Сегодня он заказал своему наместнику, Агафону, чтобы тот прислал ему из общины сестру Лану. Эта хрупкая девчушка, похоже, ненавидела секс и выполняла свое «послушание» с каким-то надрывом, словно занимаясь самоистязанием, но от этого бывала особенно усердна и горяча. Иннокентий слышал от Агафона, принимающего исповеди, что в прошлом у девочки была какая-то трагедия в семье, которая и привела ее в секту.

Ни Агафону, ни Иннокентию, по большому счету, не было важно, что там случилось, так что они не стали выяснять подробности. Однако оба сходились во мнении, что побольше бы таких вот трагично надломленных девочек, потому что наряду с безропотным повиновением они еще и работают с полной самоотдачей.

– Здравствуй, дитя! – как можно сердечнее приветствовал он Ланочку, появившуюся в дверях его кабинета. – Я скучал по тебе. Иди сюда, не стой на пороге!

– Да, преподобный! – тихо ответила девушка. Она пересекла комнату, опустилась перед ним на колени и взглянула снизу вверх большими и выразительными глазами мученицы. Тут же потупилась, но Иннокентию хватило и этих нескольких мгновений, пока она на него смотрела, чтобы завестись.

Считаешь себя грешной, детка?! Вот и давай, расплачивайся за свои грехи! А твой наставник позаботится о том, чтобы ты их искупила по полной!

* * *

После знакомства с Ланочкой жизнь Романа словно поменяла русло. Все повседневные дела отступили на второй план, просто став времяпрепровождением между свиданиями с этой девчушкой на заветной скамейке.

Свидания эти были патологически коротки. На каждую беседу с ним Лана могла выделить только час, потому что у нее были и другие «слушатели». И Роман каждый раз терзался, провожая ревнивым взглядом ее спешащую куда-то фигурку. Желая растянуть их свидание, он не раз просил у нее разрешения хотя бы ее проводить, но она всегда отказывала и была непреклонна. И даже оглядывалась, уходя, чтобы убедиться, что он не пытается идти за ней следом, вопреки ее запрету.

Но тут ее опасения были напрасны: Роман на своих протезах однозначно бы за ней, такой легкой на ногу, не успел. Оставалось только смотреть ей вслед, пока она не скроется из вида, и проклинать свое увечье. А заодно и тех, кто когда-то изломал ему ноги, намеренно сделав это так, чтобы их было уже не собрать, даже на операционном столе.

Впрочем, пользы от этих вспышек гнева не было никакой, и Роман быстро справлялся с собой. Вот только, глядя вслед упорхнувшей Ланочке, было особенно досадно осознавать свою беспомощность. Ведь каждая минута с ней ему была дорога.

Когда Ланы не было рядом, ее нежное личико часто вставало у него перед глазами, а мысленно произнесенное имя заставляло сердце Романа биться быстрее. И даже ее брошюры не вызывали у него такого отвращения, какого следовало бы ожидать от человека его натуры. Так же, как и Ланочкины религиозные речи. Правда, тут Роман жульничал: он старался уловить только суть ее проповедей, чтобы не ответить невпопад, если Ланочка о чем-то спросит. А на самом деле наслаждался отведенным ему часом, слушал ее нежный голосок, смотрел в ее глаза, такие чистые и глубокие. Иногда по-доброму подтрунивал над ней, любуясь ее смущением, изредка сопровождавшимся робкой улыбкой, которую она тут же старалась погасить. И все больше утверждался в мысли, что такая, как она, даже цветок-то сорвать за грех посчитает.

Думая об этом, на одной встрече, прямо во время Ланиной проповеди, Роман решился взять ее за руку. Нежно, осторожно расправил на своей грубой ладони

другой рукой ее тонкие пальчики. Она умолкла, затрепетала. Потом робко начала его убеждать, что не надо этого делать, но все же не отнимала руки. Хотя он не удерживал, а просто держал ее в своей ладони. А затем сам ее отпустил, после того как, глядя ей в глаза, коснулся этих трепетных пальчиков своими губами. Нежно сжимая, вернул ее худенькую лапку на прежнее место, откуда взял. Накрыл своей ладонью, погладил, после чего сделал над собой усилие, разрывая этот контакт. После этого они минут десять сидели рядом, и она все никак не решалась заговорить. А когда заговорила, в ее голосе слышались слезы:

– Ты больше так не должен делать, брат Роман!

– Ланочка, малыш! Разве я тебя хоть чем-то обидел?

– Сестра Лана! – голос ее подрагивал, но звучал строго.

– Ну да, сестра! – Роман обреченно вздохнул. – Но тогда задам вопрос по-другому: разве я сделал хоть что-то, что не было бы позволено брату?

– Ты сам знаешь, что нет. Но разве твои помыслы были при этом так же чисты, как дела?

– Представь себе, да! Да! – твердо повторил он, отвечая на ее недоверчивый взгляд исподлобья. Действительно, все, чего бы ему сейчас хотелось, – это сгрести ее в охапку и без всякой задней мысли просто прижать к себе. Защитить, согреть, успокоить ее, всю такую трепетную и диковатую. И замереть с ней, как замер бы человек, к которому на ладонь вдруг доверчиво села птичка. И, кажется, Ланочка сумела угадать по его лицу все его мысли, потому что ее замершее личико вдруг словно оттаяло, посветлело, а потом она снова смутилась сильнее прежнего. Потупилась, давая Ромке возможность украдкой любоваться собой. Мог ли он, заправский Казанова на великолепном байке, когда-то хотя бы представить себе, что, став несколькими годами старше, будет сидеть рядом с девушкой, как школьник, посмев за все это время ей только руку поцеловать? Да потом еще и оправдываться за это? – Лануська, прошу тебя, не обижайся, малыш!

– Я не обижаюсь, – ответила она, глядя куда-то в сторону. – Но ты всегда должен помнить, что я принадлежу только Богу! А ты, если решил познать Его учение,

не должен посягать при этом на то, что принадлежит Ему. Особенно теперь. Есть день и свет, есть ночь и тьма, и всему свое время.

Он не совсем понял смысл ее речей, в которых угадывалось нечто завуалированное, но послушно буркнул:

– Хорошо, я больше не буду!

Да, с ней надо действовать очень деликатно, если только он не хочет ее спугнуть! Она ведь не такая, как все, она сектантка с промытыми кем-то мозгами и засаженными туда тараканами. И если он хочет их оттуда изгнать со временем, то начинать надо очень издалека, вслепую нащупывая брод на этом неверном пути. Ведь, например, когда он однажды попытался пригласить ее с этой скамейки к себе домой, просто на чашку чая, желая в процессе еще хоть чем-то накормить это хрупкое существо, она среагировала на это так, как будто ей пощечину закатили. Отшатнулась, лицо побелело. И ему в очередной раз пришлось ее убеждать, что ничего дурного у него и в мыслях при этом не было. Вообще, ни единой греховной думы!

Вроде она ему поверила. Успокоилась, но повторно он пока не смел ее приглашать, даже на этот вот несчастный, отведенный для него час.

Ну как вот ее понять, этого воробья?! Вроде и тянется к нему – даже свои пальчики не стала из его ладони выдергивать, пуская в ход лишь слова – и в то же время словно его боится. И кто их только выдумал, эти чертовы секты?! Вроде законом их уже не раз запрещали, и что? Впрочем, насколько Айка уже успела выяснить, именно эта секта позиционировала себя как, ни много ни мало, «научное сообщество, изучающее и внедряющее методики здорового подхода к физическому и духовному образу жизни». Или что-то вроде того. Звучало очень солидно! А главное, со стороны закона не подкопаешься! Особенно если организаторам секты уже удалось с «божьей помощью» дополнительно договориться с представителями законной власти.

Да, в ОВД их города многих сменили после того, как раскрылась история с «гладиаторскими боями», но ведь коррупция – вещь практически неистребимая. И порой честность или пугливость очередного чиновника зависит лишь от суммы, которую ему предложили за закрытые глаза. Денег же у этой секты должно хватать, в том числе и на взятки, иначе для чего бы ее было

организовывать, если не для прибыли? Точно уж не ради того, чтобы спасать этот мир! В такое могли верить только Ланочка и ей подобные. Но Роман в их число не входил.

– Брат Роман, – между тем тихо окликнула Ланочка. – Мне скоро уходить. Готов ли ты продолжить нашу беседу или нам лучше ее отложить до следующей встречи?

– А если я попрошу отложить, ты не уйдешь прямо сейчас? Можешь просто посидеть со мной рядом эти оставшиеся минуты?

– Зачем? – она снова как-то вся напряглась.

– Просто так. Просто потому, что мне очень хорошо, когда ты рядом. Не пытайся снова искать в этом моем желании какой-то подвох, его нет! Я никак не могу понять, почему тебе так трудно в это поверить. – Заметив, что его слова снова чем-то ее смущают, он отвернулся и бросил взгляд на солнечный диск, сулящий ему скорую разлуку с этой дикой девчушкой.

По мере того, как солнце все ближе склонялось к горизонту, его заслоняли высокие кроны растущих поблизости старых ясеней. И при этом казалось, сам воздух начинал темнеть, сгущаясь перед грядущими сумерками. От этой агонии уходящего дня на душе становилось то ли тоскливо, то ли тревожно. И не только у него – у Ланочки тоже.

Он понял, что их мысли созвучны, сразу, как только снова повернулся к ней и увидел ее широко распахнутые глаза, в которых отражались лучи скрывающегося за ветками солнца. Почувствовав, что он на нее смотрит, она тоже перевела взгляд на него. Их глаза встретились, и по ощущениям это вдруг оказалось даже сильнее, чем недавнее соприкосновение рук. Ланочка побледнела, дыхание у нее сбилось, но, как под гипнозом, она продолжала смотреть Роману в глаза. А он, безжалостно подавив в себе вдруг вспыхнувшее желание поцеловать ее, тихо сказал:

– Давай с тобой просто помолчим и посмотрим на солнце. На то, как оно уходит, прямо как ты от меня каждый раз. Ты тоже не любишь закат, да? Я его с некоторых пор терпеть не могу, хотя им и невозможно не любоваться. Он прекрасен. Но неспособен ранить лишь тогда, когда за ним наблюдаешь не в

одиночку.

Лана ничего ему не сказала, но ее глаза сделали это за нее. И слезы, вдруг навернувшиеся на них. Не смея ее обнять, как ему хотелось, Ромка опять дотронулся до ее руки, лежащей на скамейке. Легко, едва касаясь, провел пальцами по тыльной стороне Ланочкиной ладони. Она отвела свою руку, но опять не сразу, а с некоторым опозданием. А потом и сама отвернулась, замерла, не глядя больше ни на Ромку, ни на солнце, а только прямо перед собой.

– Ланочка, малыш, – тихо позвал он.

– Пожалуй, мне стоит уйти, – выдавила она с трудом.

– Нет! Ну побудь еще немного со мной, куда ты спешишь?

Однако девушка решительно поднялась со скамейки. Протянула ему очередную книгу:

– Вот. Ознакомься с текстом, а в следующий раз мы с тобой обсудим его.

– Завтра, в это же время? – повинуясь неизбежному, он поднялся вслед за ней и принял книгу из ее рук.

– Нет, – поколебавшись, ответила она. – Завтра я не смогу. Пусть это будет в четверг.

– Почему так долго? Сегодня только понедельник.

– Потому что я принадлежу не себе, а богу, – ответила она, отворачиваясь. И почти кинулась прочь.

Выйдя из-за сосен, Роман провожал ее взглядом до тех пор, пока она окончательно не скрылась из вида. Потом вернулся на скамейку и еще долго сидел там, воображая, что Ланочка рядом. И только когда день окончательно угас, стерев за собой последнюю полосу света над западной частью горизонта, Роман отправился домой. Очень медленно, потому что даже на ходу всеми своими мыслями вновь и вновь возвращался к пережитым сегодня минутам.

* * *

Оказавшись дома, Айка обвила руками мощную Генину шею и заглянула мужу в глаза. Гена был из тех людей, красоту которых невозможно было увидеть, потому что ее попросту не было, – нет, в этом человеке ее можно было только почувствовать. Внутреннюю красоту.

Вот и глаза у него были небольшие, почти утопающие в тени надбровных дуг, но умные и внимательные. А если вглядеться в них получше, так еще и добрые, очень.

Но сейчас они глядели тревожно. А еще, отвечая на Айкин взгляд, Гена удрученно вздохнул. В отличие от Ромки, после своих свиданий еще долго засиживающегося на скамейке под соснами, Айка с Геной уже вернулись домой, только что, окончательно все выяснив и расставив все точки над «и».

Они своими глазами видели, как сектантки, собираясь после своих дневных проповедей, садились в тот микроавтобус, что увозил их на территорию общины. А потом, спустя пару часов, отследили обратный путь микроавтобуса, тайком сопровождая его на своем мотоцикле от ворот бывшего пионерлагеря снова на набережную. И с трудом верили сами себе, когда наблюдали за высаживающимися из него преобразившимися проповедницами.

Днем скромные и незаметные, с распущенными волосами и в нелепой одежде, в ночное время девицы выходили из автобуса с ярким макияжем и с затейливыми прическами. Ну и, разумеется, в совершенно другой одежде и даже на каблуках.

В отличие от обычных проституток, «падшие ангелы» выходили на панель не в коротких юбках, а в длинных вечерних платьях, только с разрезами до верхней части бедра, а еще с глубокими декольте или с открытыми спинами.

Одежда совершенно преображала девиц, придавая им даже некий налет аристократичности. Правда, была не самой удобной для того, чтобы дефилировать в ней по набережной, но многим сектанткам и не приходилось этого делать: подавляющую часть девиц мужчины уже с нетерпением ждали возле микроавтобуса. Так что от точки прибытия расходилось меньше половины, и то, как правило, недалеко, потому что их быстро перехватывали: как

выяснилось, «падшие ангелы» пользовались большим спросом у мужской части населения.

– Даже не знаю, как мы Ромке сообщим эту новость, – выдохнула Аглая. Они с Геной до последнего надеялись на чудо: что Ланочка среди сектанток является исключением и не принимает участия в торговле собой. Поэтому тайком следили за «падшими ангелами» не один, а несколько вечеров, чтобы твердо во всем убедиться. Ведь хоть Айка и знала Лану в лицо, но девиц очень трудно было опознать после их разительного ночного перевоплощения. И вот сегодня Аглае все-таки удалось это сделать: рассмотреть из своего укрытия злополучную Ланочку так, что сомнений в ее участии в ночной деятельности больше не оставалось. – Может, пока промолчать?

– Нет, Айка, это не выход. Все равно ведь он рано или поздно узнает. Так лучше пусть от нас, чем от кого-то чужого, да еще и, по закону подлости, в самый неподходящий момент. И главное, чем раньше мы ему это скажем, тем лучше. Он и так уже к этой девице успел прикипеть, его же не узнать в последнее время. Добросовестно изучает всю ту муть, что ему эта Ланочка подсовывает, а каждую свободную минуту витает где-то в облаках. Да что я тебе расписываю, ты же сама все это видишь не хуже! Так что пусть Ромка сейчас перебесится, пусть даже в запой уйдет на несколько дней, но с этой Ланой надо кончать.

– Надо, – согласилась Айка и содрогнулась. – Только ты уж сам начни разговор на эту тему, ладно? Потому что, боюсь, у меня на это духу не хватит.

3

Айка с Геной встретили припозднившегося Романа дома, выглядели они мрачнее тучи.

– Привет! – бросил он им, ни о чем не спрашивая. Знал уже, что они не в восторге от его отношений с Ланой. Опасаются! За него! Да надо совсем его не знать, чтобы думать, будто он может быть втянут в какую-то секту! Но это были его близкие и любимые люди. Поэтому, ненадолго оторвавшись от своих грез, Роман все-таки поинтересовался:

– А вы чего такие хмурые-то?

– Сейчас все узнаешь, брат, – ответил Гена как-то уж слишком серьезно. – Иди на кухню. Садись, и поговорим.

Роман сел за стол, на котором стояла бутылка водки. Это было уже что-то необычное! Ведь у них с Генкой было правило: выпивать только по выходным, если только не возникнет особый случай.

Роман покосился на сестру. Может, они с Генкой хотят сообщить ему, что скоро он станет дядей? Но не с таким же пасмурным видом делать подобное сообщение! Лично он будет этому только рад! И даже станет помогать, чем только сможет. Все-таки и Айка у него на руках выросла, и младшего брата он когда-то нянчил, пока тот в аварии не погиб, так что опыт имеется. И детишек Ромка любил.

– Ну что у вас там? – спросил он, когда Гена, опровергая его догадку, налил им всем троим, включая Айку. – Я как-то не настроен сегодня пить. Может, огласите повод?

– Пей. – Гена коснулся его стопки своей. – Так нам всем будет проще.

Насторожившись, Роман хотел отказаться и прижать уже этих шифровальщиков к стенке прямыми вопросами, но потом передумал. С близкими людьми он предпочитал никогда не спорить. Так что опрокинул стопку, поставил ее на стол и требовательно заявил:

– Все! Теперь я вас слушаю.

– Брат… – Гена запнулся. – Мне с тобой будет нелегко говорить, так что выслушай, не перебивая. Сведения проверенные. Мы с Айкой сами не хотели вначале в них верить, так что убеждались несколько дней, до тех пор, пока не осталось никаких сомнений. В общем, эта секта не только лохов заманивает, у них есть и другие источники дохода. И один из них… Короче, Лана твоя… В общем, брат, днем она, как и другие девчонки из секты, проповедует, а по ночам на той же набережной вместе с ними торгует собой. Она проститутка, как и все эти проповедницы.

– Что?! – первым Ромкиным порывом было вскочить, но протезы не позволили, напомнив, что они не любят резких движений. Так что, едва привстав, он вынужден был упасть обратно на табуретку. – Да ты в своем уме вообще?!

– Ромка! – Сестра метнулась к нему, обняла руками сзади за шею, припала щекой к его щеке. – Да ты знаешь, чего нам стоило это тебе сказать?! Мы же видим, что ты на эту свою сектантку подсел, как на наркоту!

– Только выхода нет, потому что все это правда, – вторил Гена. – С утра она святая с книгами, а ночью ее может разложить любой, кто заплатит нужную сумму. Немаленькую, надо сказать. Брат! Ни я, ни Айка не хотели в это верить, но против фактов не попрешь. Если тебе нужны железные доказательства, то я могу ее хоть сейчас отыскать и сюда к тебе привести. Только, думаю, это будет слишком жестоко.

Несколько минут Роман молчал, глядя в пол и просто пытаясь осознать услышанное. Потрясение было слишком сильным и неожиданным. Лана, Ланочка! Ранимая, чистая, трепетная! И чтобы она… Да разве такое можно хотя бы представить?! Но он совершенно точно знал, что сестра с Геной никогда бы не стали ему лгать насчет нее. Не такими они были людьми и не так к нему относились. Значит, это все-таки была правда. Но он не мог, не способен был ее принять!

– Уйдите, – через силу выдохнул Ромка, движением плеч высвобождаясь из обвивавших его Аглаиных рук. – Оба.

– Пойдем, Айка. – Гена послушно поднялся. – Пусть он побудет один.

Они ушли. Точнее, Гена утянул Айку вслед за собой, оставив Ромку наедине с тем кошмаром, который они ему и раскрыли. С худшим из всех.

Лана! Разве она могла?! А он? Разве он способен был так заблуждаться на ее счет? Да нет же, он эту девочку словно сердцем чувствовал! И вдруг… А может, и в самом деле послать сейчас Генку за ней, чтобы все своими глазами увидеть? Потому что он никак не мог себе представить, что она может так страшно преображаться. Она, чьи пальчики трепетали в его руке! Но разве он посмеет, даже сейчас, зная все, прикоснуться к ней как-то иначе? Да он теперь даже в глаза ей не решится взглянуть, как будто сам сто раз в чем-то перед ней

виноват. В ее чистые глаза… Нет, это было невыносимо!

Через пару часов Гена тихонько зашел на кухню. Наверное, хотел оттащить на кровать бесчувственное Ромкино тело. Но сегодня бутылка осталась нетронутой. У Романа хватало в жизни горя, которое он пытался залить, только это был не тот случай. Он никак не мог осознать то, что услышал, не мог смириться.

– Брат! – Гене хватило одного взгляда, чтобы все оценить. – Прости, конечно, но сам понимаешь, что надо было тебе это сказать. А теперь пойдем, хватит уже тут сидеть. Утро вечера мудренее.

– Мудренее, – согласился с ним Ромка.

Чего он только не передумал за прошедшее время, каких только картин себе не нарисовал! Начиная с того, что он изобличает двуличную Ланочку, и заканчивая тем, как изощренно убивает всех ее «духовных наставников». В итоге от всех этих фантазий его боль не исчезла, но притупилась, расползлась по всей душе из одной точки в районе сердца, которая вначале словно прогорала насквозь.

– Давай я тебя провожу. – Гена подошел вплотную. И не зря: культи у Ромки успели затечь. Так что, поднимаясь самостоятельно, он бы, скорее всего, упал сейчас на своих протезах. Но Генка поддержал, подхватил под плечо, помог разогнуться и устоять. Роман застыл в вертикальном положении, пошатываясь и не торопясь сделать первый шаг.

Вот так всегда и было у них в семье: если один терял равновесие, то двое других сразу спешили, чтобы создать опору. И в прямом, и в переносном смысле. Один за всех, и все за одного! Так что Ромке просто необходимо справиться со своей бедой в кратчайшие сроки, чтобы не огорчать своих близких людей, не заставлять их переживать за него.

Утро. Вечера. Мудренее.

Решившись сдвинуться с места, Роман сделал по шагу на каждое слово. А потом еще. И еще, повторяя про себя эту народную мудрость. Он пережил смерть родителей и младшего брата. Свое увечье. Аллочкину гибель. И это переживет: то, что его нежная Ланочка сегодня для него умерла. А ведь он любил ее! Даже сильнее, чем ему казалось. Любил!

* * *

Утром Роман вышел к столу. Поздоровался, сел. И, зажав между ладоней поданную Айкой чашку чая, попросил, ни на кого не глядя:

– Я хочу, чтобы вы разузнали мне об этой секте все. Вообще, все, что только возможно.

– Это уже сделано, брат. Мы с Айкой раз десять все перепроверили. Прежде, чем сумели узнать о девочках, успели узнать и о прочих «святых делах».

– Хорошо. – Ромка помолчал, потом спросил: – Какие у вас планы на выходные?

– Какие скажешь. Ты что, надумал по городу пройтись вечерком?

– Нет. Не сейчас. Делаем так: я все перевариваю. Заодно пусть осядет эта муть на душе. А в субботу едем на море. Вам – шашлыки, а мне – всю правду без приукрас… хотя что тут еще можно приукрасить? Куда уж больше? Ну, тогда с мелочами и всеми подробностями.

– Идет.

Больше они на эту тему не разговаривали. Проводили Айку, приехали в мастерскую и разошлись по своим рабочим местам.

Сегодня Ромка работал с внутренним остервенением, которое со стороны можно было принять за легкость: даже застарелые гайки давались ему без труда. И все кипело в его руках, без перерывов и передышек, во время которых его могли бы снова атаковать проклятые мысли о Лане.

Домой Роман ехал уставший, не поднимая головы. Но не потому, что сил больше не было, а просто боялся увидеть за окном промелькнувшую фигурку-тростиночку. До сегодняшнего дня специально ее высматривал, а теперь боялся увидеть. Только все равно, не переставая, думал о ней, несмотря на усталость и принятое решение напрочь ее забыть. Но не получалось иначе! И мысли про четверг, когда Лана будет ждать его на скамейке, поначалу так смутившей эту

хрупкую девочку, жгли его раскаленным железом.

Не ходить туда! Не видеть больше эту маленькую лживую дрянь! И номер на телефоне сменить, чтобы она никогда больше не могла до него дозвониться со своего закрытого номера, принадлежащего, как и она сама, секте.

Что там Айка говорила про сектантов? Что это целая наука, поставленная на поток? А ведь права была! А он-то, дурак, еще был уверен, что его-то точно никуда не заманят. Как бы не так! Всех заманивают, только каждого своим способом. И он лишь чудом сорвался с крючка, лишь благодаря Гене с сестрой. Ведь еще немного, и он бы за Ланочкой даже на край света отправился. Он же на нее уже сейчас готов был молиться. А между тем она оказалась самой продажной из всех известных ему проституток.

– Да мать твою! – выдохнул Роман, отвечая на все свои мысли.

– Пройдет, брат. – Сидящий за рулем Гена покосился в его сторону. – Все в этой жизни проходит.

– Куда ж оно денется, – проворчал Ромка сквозь зубы. Да, пройдет! Да только вот не бесследно. Потому что жизнь вообще так устроена: любит вставлять палки в колеса на полном ходу. А когда ты, вылетев из седла, уже отправился в свободный полет, так еще и пень у тебя на пути поставить, дабы ты встретился с ним своей головой.

* * *

На встречу с Ланочкой Роман все-таки пошел. Через силу, как будто его туда тянули. Несмотря на все свои сгоряча принятые решения и несмотря на то, что упорно пытался убедить себя, будто Ланочка умерла. Но чем ближе был момент встречи, тем сильнее у Романа билось сердце, как будто вело обратный отсчет. Он буквально места себе не находил. Так что даже Айка с Геной, глядя на него, довольно быстро отказались от всяких попыток отговорить его от этой последней встречи. Хотя в душе, конечно, оба были резко против, в этом даже сомневаться не приходилось.

И вот заветная скамейка уже видна! И Лана была уже там! Пришла чуть раньше, как и он сегодня. Он уехал с работы пораньше, с попутным водителем и пришел на встречу из дома. Но Лана, оказывается, его все же опередила.

По уже сложившейся привычке она ждала его со стороны набережной. А он подошел сбоку и мог отсюда видеть ее хрупкую фигурку на скамейке меж сосен, застывшую в напряженном ожидании. Вот она заметила какого-то прихрамывающего мужчину с тросточкой, идущего вдоль балюстрады. Дернулась, порываясь подняться ему навстречу. Но быстро осознала свою ошибку, с разочарованным видом откинулась назад и снова вся обратилась в ожидание.

Роман застыл, с трудом проглотив вдруг образовавшийся в горле комок. Сейчас, в эти минуты, когда она была уверена, что он ее не видит, ей не было нужды играть какую-то роль. Она могла позволить себе роскошь быть самой собой. И как же она его при этом ждала! Глядя на это, уже невозможно было сомневаться в том, как она к нему относится. Все было ясно, как божий день… но при этом весило едва ли меньше креста, несомого на Голгофу. Несомненно, она, эта подневольная рабыня, продаваемая ночами на набережной, тоже имела неосторожность его полюбить.

Отправляясь на это свое последнее свидание, Роман все никак не мог решить, как же ему начать свой разговор с Ланочкой, с каких слов, в каком тоне. Слишком уж противоречивые чувства обуревали его. И сострадание к этой маленькой беззащитной лгунье, и гнев на нее. И желание изобличить ее, уколов побольнее, чтобы тоже прочувствовала все испытанное им за эти дни. И в то же время он не хотел наносить ей неблагородно-жестокий удар. Но сейчас, когда он смотрел на эту фигурку, в нетерпении застывшую струной, все его метания показались ему такими жалкими, что впору было себя за них презирать. Роман до боли сжал рукоятку трости, глядя на Ланочку так, что она лишь чудом этого не почувствовала. А потом пошел, пошел к ней. Если бы мог, то и побежал бы, наверное.

Ожидавшая его появления совсем с другой стороны, она заметила его только тогда, когда он оказался у входа в сосновый шатер, раскинувшийся над скамейкой. От неожиданности она не успела обуздать свои чувства, позволив своему лицу на миг осветиться, будто солнечный луч по нему проскользнул. Но почти сразу скрыла все под привычной ей маской строгой наставницы. И сдержанно произнесла:

– Здравствуй, брат Роман!

– Здравствуй… Ланочка. – Он замер над ней, сидящей на скамейке, снова изо всех сил сжимая спасительную рукоять своей трости. – Здравствуй, малыш…

– У тебя что-то случилось? – быстро спросила она, рассмотрев его лицо. Судя по Ромкиным ощущениям, бледное и застывшее.

– Случилось, – выдохнул он. – Лана. Я пришел поговорить с тобой. Не как очередной лох с сектанткой, а просто как человек с человеком. Сможешь ты ненадолго скинуть с себя эту маску и просто выслушать, что я скажу?

Ее брови дрогнули, потом она посмотрела ему в глаза. И побледнела, прочитав все по ним без слов. Ничего не говоря, она отвела от Романа взгляд, вскочила и повернулась к своей торбе.

– Лана! – почти крикнул он, поняв, что она собирается просто уйти. Пока еще мог, ухватил ее за длинный рукав безликой и уродливой кофты.

– Что? – она так и застыла к нему спиной, не пытаясь вырваться, лишь тяжело дыша. – Ты ведь теперь все знаешь? То есть нам не о чем больше с тобой говорить.

– Есть о чем! – Ну что за дурак он был, когда пытался заранее спланировать их разговор! Это было, как свои действия на пожаре планировать, совершенно не зная, куда в следующий миг метнется бушующее пламя. Нет, такие разговоры ведутся только стихийно. И говорить нужно не разумом, а исключительно душой! – Да, я все узнал! Но мы ведь с тобой можем все изменить! Прямо здесь и сейчас! Для этого много не требуется! Просто брось тут эти свои брошюры, и пойдем со мной. Ко мне домой. Мои брат с сестрой тебя примут, это даже не обсуждается. И ты все забудешь, как страшный сон. Клянусь тебе, что даже пальцем тебя не трону, если ты сама этого не захочешь! И никогда в жизни тебя твоим прошлым не упрекну. Малыш, я никому тебя в обиду не дам! И не заставлю тебя пожалеть о сделанном выборе!

– Нет! – Когда он попытался ее обнять, она рыбкой извернулась в его руках, уперлась обеими ладошками ему в грудь. При этом проклятая трость

выскользнула из пальцев Романа и полетела на землю. – Никогда! Это невозможно!

– Но почему? Почему?! Что тебя держит в этой секте? Как ты им вообще позволила втоптать тебя в эту грязь? Лана, одумайся!

– Нет! – Она все-таки вывернулась и отскочила от него на пару шагов, судорожно сжимая свою дурацкую торбу, которую успела-таки ухватить со скамейки. Теперь она вся дрожала, и ее голос прерывался всхлипами: – Никто меня никуда не втаптывал. Я просто живу там, где должна! Ты же ничего обо мне не знаешь. Но это моя кара, это моя расплата за совершенный грех! Я должна через все это пройти! Да, я падшая, я сама это знаю! Я служу нашей общине, где и как могу, словом и телом! И никто, даже я сама, не может знать, сколько светлых искр веры занесла я в души людей в самый момент своего и их грехопадения. Тогда, когда человек подсознательно стремится покаяться и наиболее восприимчив к Слову Божьему. А потом я расплачиваюсь за это, осознавая, кто я есть. Но это мой крест, я все это заслужила.

– Да чушь это все! Ланка, ну что ты такого могла сотворить, чтобы так потом за это казниться?! Ведь я же вижу, что ты собой представляешь на самом деле! Я всем нутром тебя, дуреху, чувствую! Сам бы не подумал, что такое бывает, а вот! И я уверен, что ты не способна на зло! Не на такое, за какое ты себя тут караешь!

Она содрогнулась, слушая его. Отступила на шаг назад, еще на один.

– Не уходи! – взмолился он.

Но она развернулась и побежала прочь. Ромка рванулся было за ней, но почти сразу был вынужден остановиться. Да и все равно бы не догнал. А тут еще и трость, что валялась сейчас на земле. Без нее он свободно мог разве что передвигаться по квартире с ее ровным полом, но не по городу. Нагнуться же за ней было невозможно. Потому что если он такое и проделывал, то как раз опираясь при этом на трость. Оставалось только стоять и, до боли сжав кулаки, беспомощно смотреть вслед убегающей Ланочке. Плачущей – он видел, как она то и дело вытирает на бегу слезы свободной рукой. Видел это до тех пор, пока она не скрылась за высокими туями, заслоняющими ведущий от набережной тротуар. Потом сделал два шага до скамейки и тяжело опустился на нее,

ненавидя себя и свою инвалидность и чуть ли не все на свете заодно.

В ярости припечатал к жесткому сиденью кулаки. И еще, и еще. Разбил в кровь костяшки пальцев, но зато боль немного его отрезвила. Заставила собраться, заново осознав окружающий мир с его солнцем, длинной хвоей пицундских сосен и порхающими птичками и с жизнерадостным шумом людей поблизости, на морском берегу. Дурацкий мир, в котором по неведомой причине Лана, нежная и чистая душой – он просто не мог ошибаться в этом! – добровольно позволила сделать себя сексуальной рабыней. А он даже не сумел у нее выяснить, почему она на это пошла. Но точно не потому, что ей хотелось так жить!

Напротив, все говорило Ромке о том, что эта девчушка с ее трогательной беззащитностью попала в беду. С тем, чтобы рано или поздно сгинуть в этой секте навек, как отслуживший свое расходный материал. Если только однажды не найдется кто-то, кто окажется способен ей помочь.

Но как? Легче и логичнее было бы связаться с ее родителями, поставить их в известность, где им искать свою дочь, а те уж пускай все дальше сами решают. Да только удастся ли их найти, не имея никаких исходных данных, кроме возраста и имени девушки? Притом имя ей могли дать уже в самой секте.

Так что… нет, Тарталатов, не удастся тебе умыть руки! Потому что других помощников, готовых отдуваться вместо тебя, ты вряд ли найдешь. А бросить все на самотек… Можно, конечно. Но обретешь ли ты после своего трусливого побега покой? Или каждую ночь будешь просыпаться с мыслью о Лане, продаваемой на улице? И вслушиваться в далекие крики гуляк, терзаясь от того, что она сейчас, может быть, среди них, словно отданная на забаву игрушка? А ее саму сможешь ли ты забыть так легко? И вообще, сможешь ли? После того, как она с самой первой встречи завладела всеми твоими мыслями? И твоим дурным сердцем, которое так неистово бьется в груди? Ведь, повинуясь именно ему, а не здравому рассудку, ты всего несколько минут назад заявил этой девочке, что, несмотря ни на что, готов даже связать с ней свою жизнь!

– Ромка! – вместо убежавшей Ланочки возле скамейки внезапно появилась родная сестренка. – Я как чувствовала, что ты все еще будешь здесь, даже с работы специально ускользнула пораньше.

Не дожидаясь просьб, Айка подняла и подала ему упавшую трость. Потом присела с ним рядом, обхватив его рукой за плечи:

– Ну что, увиделись? Объяснились?

– Объяснились, – выдохнул он, даже головы в ее сторону не повернув.

– Ну и ладно. И нечего тут. Небось и похуже бывало. Пойдем-ка домой?

– Ты иди, а я еще здесь посижу. – Ему сейчас было не объяснить, да Айка, возможно, и не поняла бы, что это еще не конец и что она сейчас только раздражает его своим нарочито бодрым голосом.

Ему хотелось еще немного побыть одному, прийти в себя, прежде чем выйти из этого зеленого укрытия. А еще мучительно хотелось встретить грядущий закат именно здесь. Еще одну агонию уходящего дня. Словно этот закат мог разделить с Ромкой все его чувства.

– Ладно. – Айка вздохнула, но спорить не стала. Слишком хорошо знала брата и давно уже привыкла к перепадам его настроения, ставшим актуальными после того, как он получил увечье. – Пойду. Но ты обязательно звони, если что. Не строй из себя героя. Или, иными словами, не будь упрямым дураком.

– Хорошо, – кивнул он, когда она, так и не дождавшись от него ответа, развернулась к нему уже на выходе из соснового шатра. – Позвоню, если что. И слишком долго не задержусь, – добавил он, предвосхищая следующую Айкину просьбу.

Хотя, вот интересно было бы знать, к чему она все это ему сейчас говорит? Ведь почти наверняка, придя домой, поужинает с Генкой на скорую руку, а потом пойдет с ним, якобы прогуляться, на набережную. Может, эта прогулка и впрямь будет для них обоих не лишена удовольствия, потому что Айка с Генкой, за что бы вдвоем ни взялись, почти все делают с удовольствием. Однако маршрут их будет скорректирован так, чтобы во время прогулки особо не удаляться вот от этой скамейки.

Ну, честное слово, да сколько ж его уже можно пасти?! Это продолжается с тех пор, как он встал на протезы и начал самостоятельные прогулки. Словно он дитя малое! Но в то же время эта забота близких людей согревала душу. И сил была способна придать, будто чудодейственный эликсир. Глядя теперь вслед уходящей сестренке, Роман почувствовал, как сам он медленно воскресает, словно пресловутая птица Феникс из пепла.

Роман вздохнул полной грудью и расправил опущенные плечи с мыслью о том, что не все еще потеряно.

4

На свое пустынное побережье Ромка и Айка с Геной приехали ранним субботним утром. Все трое любили рассветное море, такое умиротворенное и чистое, отзывающееся игрой золотистых бликов на прикосновение первых солнечных лучей, и с лениво-медлительной, крупной волной прилива. И тихий-тихий шелест воды, мерно накатывающей на гальку меж валунов.

Песка на этом пляже не было. Но зато и посторонних людей – тоже. Разве что в самый разгар сезона появлялись тут «дикари» с палатками. Но этих вольных хиппи, в отличие от курортников на центральных пляжах, Роман почему-то даже и не думал стесняться. Наверное, потому, что их бывало немного, и все они при этом были на своей волне и практически не обращали внимания на расположившихся поодаль соседей по дикому пляжу. Ну а именно сегодня на «их» пляже не было вообще ни души.

– Давай, брат! – Для начала Гена развел костер из выброшенного на берег и просохшего топляка, а потом, сноровисто раздевшись, присел перед Ромкой, тоже успевшим скинуть одежду. И, с куда меньшей охотой – снять свои протезы, снова становясь инвалидом без ног.

Но, будучи прекрасным пловцом, в воде Ромка об этом почти забывал, и там ему тяжелые металлопластиковые конструкции только мешали бы, не говоря уже о том, что их могла испортить морская соль. А так – короткий путь до воды, обхватив Генку за плечи, тихий всплеск, и вот он, обласканный ленивой утренней волной, снова способен передвигаться самостоятельно. Сливаться с

морем, дышать им и чувствовать его вкус на губах. И за вуалью золотистых бликов видеть сквозь прозрачную воду дно. Даже тогда, когда заплыл достаточно далеко от берега.

Были времена, когда Гена с Айкой за него опасались и не отпускали плавать без спасательного жилета. Потом убедились, что он освоился в воде даже в своем нынешнем состоянии, не имея ног, и перестали над ним трястись почем зря.

Теперь бы вот и на суше им так же поменять свое отношение к его стремлению быть независимым. А то опасаются неизвестно чего. Того, что он может упасть? Так ведь и абсолютно здоровые люди, случается, падают. Или того, что кто-то может до него докопаться? Та же картина!

Впрочем, приезжие с местными предпочитают не связываться, не желая заводить себе лишних проблем и каким-то образом легко вычисляя аборигенов среди общей массы. А что касается своих, то Ромка сам когда-то вращался не в самой законопослушной среде, и его там неплохо знали. Так что скорее пришли бы на помощь, чем наоборот. Ну а самое главное, в случае чего он все еще способен был и сам за себя постоять. Пусть уже и не так, как когда-то, но все же. Потому что, как говорила Айка – и в этом он был с ней полностью согласен, – мужчину делали таковым вовсе не яйца или бицепсы, а исключительно сильный мужской характер, без которого любой качок мог смело считаться бабой, а при наличии которого даже худосочный недокормыш или такой, как он, инвалид имел полное право называться настоящим мужчиной.

Так что придется напомнить сегодня сестренке эти ее слова, когда он изложит им с Генкой свой план.

Ромка даже не сомневался, что они оба воспримут его в штыки. Но он свое решение уже принял. Окончательно. Еще вчера, в пятницу, когда опять допоздна сидел на их с Ланой скамейке. Все надеялся, что, может быть, она догадается, что он ее снова ждет, и тоже придет в этот сосновый шатер.

– Брат! – окликнул его Генка из воды. – Я выхожу. А ты как, тоже на выход или еще нет?

– Пойдем, – согласился Роман.

И в самом деле, хватит на первый раз, они ведь сюда на весь день приехали, так что успеет еще наплаваться. Поэтому он, как и Генка, мощными гребками понес себя к берегу.

Они оба двигались к одной точке на мелководье, рисуя на воде быстро исчезающий сходящийся клин. Причем с Генкиной стороны линия была немного искривлена: он старался плыть не быстрее Ромки, заметив однажды, что тому не по нраву, если его потом дожидаются. Хотя Роман, как мог, пытался избавляться от этих своих пунктиков и учился как можно невозмутимее воспринимать жизнь такой, какова она есть.

Теперь же и вовсе придется о многом забыть, а многим даже и поступиться. Возможно, возникнет необходимость плюнуть даже на чувство собственного достоинства и растоптать свою гордость.

Это осознание неприятно царапало Романа изнутри, но отступать от задуманного он тем не менее не собирался.

Оказавшись с Генкиной помощью на берегу, к запланированному разговору Роман подошел издалека и не сразу. Вначале устроился на большом плоском камне, оперевшись спиной о выброшенный на берег массивный кусок древесного ствола, во время странствий по волнам лишившегося всей своей коры. Потом принялся помогать Айке с шашлыками, нанизывая их на шампуры. Просто чтобы чем-то заняться: он ненавидел это свое состояние, когда его ноги, пусть и искусственные, стояли от него в стороне. Прекрасно понимал, что нет смысла надевать протезы каждый раз между заплывами и что Айка с Геной никогда не станут смотреть на него сверху вниз, в каком бы виде он ни сидел, но все равно – ненавидел. Особенно вот так, когда был даже без своего кресла-каталки. Поэтому с особым старанием надевал куски мяса на тонкие железные прутья, пока Генка доводил до ума угли в установленной жаровне, а Айка готовила к запеканию овощи.

Но когда мясо было передано дальше по инстанции и начало потрескивать над огнем, испуская способный свести с ума аромат, Роман все-таки заговорил:

– Вы обещали мне все подробно рассказать о секте.

– Ты все никак не успокоишься, брат? – Гена вздохнул, переглянувшись с Айкой.

– Нет, не успокоюсь. Так что, раз уж вы все равно не поленились собрать информацию, то давайте, вываливайте, я вас внимательно слушаю.

– Ну, раз так… – Гена присел с ним рядом, доверив Айке переворачивать мясо и участвовать в разговоре пока только в качестве слушательницы. – Короче, это даже и не секта, а целое поселение со своим периметром и инфраструктурой внутри. Помнишь, в советские времена здесь был пионерский лагерь «Алая зорька»?

– Конечно! – Роман тяжко вздохнул.

Еще бы не помнить! В их городе, как, наверное, и во многих других курортных городах современной России, такие лагеря были больной темой для местных жителей, у которых все творилось прямо на глазах. Когда пионерские лагеря и профсоюзные базы отдыха, где раньше мог себе позволить отдохнуть любой работяга, вдруг превращались в наглухо огороженные запустевшие территории, купленные неизвестным дядей за немалые деньги.

Потом вместо прежних милых летних домиков на этих территориях начинали расти, как грибы, огромные каменные коттеджи, а на огораживающих их заборах появлялись заметные издали плакаты с надписями. Всегда с одними и теми же: вначале «Продается», а потом, позже – «Сдается». И кто-то начинал единолично наваривать деньги на том, что когда-то принадлежало целым организациям.

Насколько Роман знал, «Алую зорьку», откуда в давние времена его детства раздавались жизнеутверждающие звуки пионерского горна, тоже не миновала эта печальная и грязная участь. И теперь купленный кем-то лагерь был надежно закрыт. Но стройку там вроде бы еще не начинали – территория бывшего лагеря располагалась на возвышенности, на склоне горы, так что любая масштабная деятельность там была бы заметна издали, даже невзирая на новый высокий забор.

– Так они что, там обосновались?

– Именно. Так что о размахе этой секточки можешь судить по ее площади. А о доходах – по тому, что новый владелец предпочел всю эту большую и

недешевую площадь не застраивать, как это другие делают, а вместо этого сразу ее заселить. Видимо, там такие бабки вертятся, что затевать банальный коттеджный бизнес ему ни к чему.

– Ну да, – согласилась Айка, в очередной раз отточенным движением переворачивая шампуры. – Эта секта выжимает из своих адептов все, что только возможно.

– Знаю, уж об этом-то можешь не напоминать! – процедил Ромка сквозь зубы.

– Да это только одна статья дохода! Помимо этого по очень тихим и никем не подтвержденным слухам, там и наркотики не брезгуют гнать на продажу, и весь нищенский бизнес верховный алозорькинский духовный наставник, говорят, тоже прибрал к рукам после весьма нехилых разборок с его прежними заправителями. Среди сектантов есть те же боевики, что и в других группировках, и даже еще хуже, потому что, кроме всего прочего, они еще и фанатики. Ни закон, ни совесть им не указ, а только слово их непосредственного божества. Так что спорить с ними без толку, и местные мелкие мафиози начали сдавать свои позиции один за другим. Даже на центральном рынке, говорят, идет глобальная переделка собственности. А такие куски, ты знаешь, никто не выпустит просто так.

– Ничего себе! – Романа поразила масштабность происходящего. Он-то думал, что речь идет об обычной секте из тех, что время от времени появляются, быстро жиреют на активной рекламе, а потом так же быстро давятся, как нажравшиеся клопы. Но тут… – Да чел, который взялся этим всем заправлять, вполне достоин нашего почившего Бори! Недолго, выходит, трон этого сатаны пустовал? Давно ли мы извели ту нечисть? Года два назад?

– Нет, этому-то до Бори далеко, – не согласился Гена. – Боря всех своей силой держал, извращенным умом и жесткой организацией. А этот просто сумел хорошо устроиться: головы людям дурит, на том и играет до тех пор, пока ему верят. Но играет по полной, куда только ручонки дотягиваются!

– А кто он? Ты о нем самом хоть что-нибудь знаешь?

– Кто он и откуда – о том история умалчивает. Именно сейчас он зовется преподобным Евстафием. От его имени с сектой постоянно работают три так

называемых наместника, каждое слово которых – закон для всех остальных. А сам «святой» раньше проповедовал даже в городе, но теперь с этим делом завязал. Теперь он толкает проповеди лишь со сцены бывшего пионерского театра, на территории своего лагеря, да и то, говорят, по праздникам. Так что постороннему на него уже не взглянуть, как в былые времена. Да и толку с этого было бы немного, потому что, если верить восторженным отзывам внимающих ему дурней, черт его лица все равно не разобрать, «только свет исходит от лика». Я так понимаю, все дело в грамотной подсветке, типа в каких-нибудь диодах, заткнутых за шиворот. Ну, еще какой-нибудь фокус с микрофоном наверняка провернули, придав голосу «глубину неземную», вот тебе и все чудеса. Однако в массе восторженных поклонников вся эта комбинация идет «на ура». Так что… нет, этот чел, конечно, далеко не Боря. Но ты прав, он сейчас пытается занять в этом городе трон сатаны. Не взбираясь нахрапом, а очень хитро и грамотно на него заползая.

– Только нам это все уже глубоко до лампочки! – вставила свое слово Айка. – Потому что мы свою лепту в борьбу со злом уже внесли и с нас этой дряни хватит. И посему… Генка, тащи сюда блюдо! Есть чистая вода и теплое солнышко, есть уже готовые шашлыки. И я не знаю, какого хрена кому еще надо от жизни при таком изобилии.

– Кому чего, – проворчал Роман. – Это уж зависит от индивидуальных потребностей.

Он еще и словом не заикнулся о сути дела, а они оба его уже поняли! Гена так и застыл с блюдом в руках, а Айка – та вообще в полуобороте к жаровне. Потом, подстрекаемая к действию потянувшим от жаровни дымком, отмерла и вкрадчиво поинтересовалась у брата:

– Так что тебе там эти твои потребности нашептали?

– То и нашептали. – Роман помолчал, собираясь с мыслями под их напряженными взглядами, а потом выдохнул: – Я не могу оставить все так, как есть! Что хотите думайте – не могу! Хочу на эту секту изнутри, своими глазами взглянуть. Оценить, как там выстроены отношения между «верующими» и насколько крепко они вообще повязаны друг с другом и с этой общиной.

– И все из-за этой тощей куклы? Да сдалась она тебе, брат!

– Я подозревала, что ты не в своем уме с некоторых пор. Но чтобы настолько…

– Сдалась. И пусть буду не в своем, – ответил он обоим сразу. – Делать все равно буду то, что считаю нужным. А вы мне либо помогаете, либо нет, это уж пусть будет ваш выбор.

– Да чтоб тебе в пивном ларьке такой выбор всегда оставляли, как ты нам сейчас! – пусть и шутя, но с чувством «прокляла» его Айка.

– Брат, ты же прекрасно знаешь, что мы тебе в помощи никогда не откажем! – Генка плюхнул блюдо с мясом прямо на камни и сам присел рядом. – Но одно дело, когда она действительно необходима, а другое – тут. Что ты собираешься сотворить? Самому сунуться в секту из-за этой соплюхи? Которая, между прочим, по доброй воле оттуда вряд ли согласится уйти.

– Вряд ли, ты прав. Потому что мозги ей обточили на славу! А еще, как я успел понять, у нее пунктик имеется, она считает себя обязанной расплатиться за какой-то там совершенный ранее грех. Я хочу для начала выяснить, что с ней произошло, почему это привело к таким фатальным последствиям и насколько глубоко она в этой секте увязла.

– Ну а что потом? И чем хоть она тебя так зацепила?

– Чем зацепила и что потом – этого я и сам пока не знаю наверняка. Я просто хочу ей помочь. Потому что ну никак она не вяжется с тем занятием, в которое ее втянули! Хоть вы меня убейте – никак! Вот я и решил для начала составить обо всем свое собственное представление, изучить ситуацию на месте и до конца.

– И ты уверен, что оно тебе надо? Она – взрослый человек, выбрала в жизни свою дорогу.

– Дороги, знаешь ли, бывают разные. И некоторые из них не выбираются, на них просто заносит виражами судьбы. Да что я вам все это расписываю? Вы должны не хуже моего это знать! Сами влипали по самые уши! Так что попытайтесь меня понять. Если я сейчас откажусь от того, что собрался сделать, то мне потом спокойно не жить.

– Короче, полный трындец, – обреченно подытожила Айка, наблюдая за братом. – Если в твою дурную башку уж что-то запало, то отговаривать тебя смысла нет. А уж если тут еще и чувства замешаны – тем более. Но я все же хочу попытаться. Просто спросить у тебя: ты хорошо представляешь, на что подписываешься? Насколько ты внимательно слушал, когда тебе Генка про эту секту рассказывал?

– Внимал, почти не дыша, – невесело улыбнулся Ромка сестре. – Можешь в этом даже не сомневаться. И – да, я знаю, на что иду. Здоровые люди приходят в эту секту, чтобы стать практически рабами тех, кто в ней заправляет. Не ошибусь, если скажу, что это хуже любой армии со всей ее дедовщиной. И естественно, что мне, как инвалиду, там будет еще сложней, чем другим. Так что я первый был бы рад, если бы мне удалось без всего этого обойтись. Да не удастся. Именно это я и прошу вас понять.

– Приехали! – присевшая на камни сестра ударила себя по коленям сжатыми кулаками. – Да это ж ни в какие ворота не лезет! Полный абсурд! Может, ты с этим своим решением все-таки не будешь торопиться? Подумай хорошенько, еще раз все взвесь!

– Подумал бы. Да времени нет! – Ну как сестра не понимает, что каждый день промедления – это еще один вечер? Вечер, когда кто-то снова выведет Лану на улицу, чтобы там просто ее продать? Или все-таки понимает, оттого и потупилась, отказавшись от дальнейших споров? Вздохнула, взглянула на мясо без всякого аппетита. Потом пододвинула блюдо к Ромке поближе:

– Ладно, давайте уже перекусим, что ли? Отъедайся, братец, пока у тебя еще есть такая возможность. Потому что в «Алой зорьке» и хлеба-то, говорят, не вволю дают.

5

«Алая зорька»! Когда-то, еще детьми, они прибегали сюда с окончанием лагерного сезона. Бегали по опустевшей территории, снова наполняя веселыми голосами ее осеннюю тишину. Дурачась, сметали и вновь раскидывали пряно пахнущие желтые листья, нападавшие с огромных столетних ясеней. Прямо с деревьев горстями ели поспевший боярышник. Заглядывали в заколоченные

окна домиков и, легко сняв немудреный замок, катались на большой и старой механической карусели. Тут уж надо было держать ухо востро, потому что сторож, снисходительно относившийся ко всем другим шалостям, за эту мог и шугануть.

Это ощущение близкой опасности придавало катанию еще большее удовольствие. А потом, когда на горизонте появлялся сторож с метлой, услышавший скрип карусели, и кто-то звонко кричал остальным: «Шухер!» – они все убегали дружной стайкой, чтобы уже за лагерным забором ощутить себя счастливчиками, избежавшими очередной пацанячьей опасности.

Причем Ромка убегал, еще и Айку успев себе на спину подхватить – эта мелочь вечно напрашивалась с ним на прогулки. Он возмущался и протестовал до хрипоты, но родители все равно ее ему навязывали, потому что не могли выносить ее рев, неизменно следовавший в том случае, если он исчезал, а она оставалась дома. Вот в итоге ему и приходилось с ней нянчиться. И не только он сам, а даже его приятели как-то незаметно к этому привыкли. Так что, когда мелкая выплевывала собранный для нее боярышник, состоявший преимущественно из костей, и начинала хныкать: «Печеньку хочу!» – порой не только Ромка доставал из своих карманов безнадежно изломавшееся там печенье, но и другие мальчишки тоже. И кормили малявку – видели б это родители! – с немытых ладоней, засыпая обломки да крошки ей прямо в рот, потому что как-то иначе их было уже трудно употребить.

Годами позже, когда повзрослевший Ромка уже катал Айку на своем байке, он, случалось, подкалывал ее во время клубных сборов с приятелями: «Аечка, печеньку не хочешь?» Она, вольготно расположившись на замершем мотоцикле, фыркала в ответ, что он ее достал, и посылала его на фиг, а Ромкины друзья, вместе с ним ставшие теперь ядром байкерского клуба «Летящая стая», смеялись и подхватывали: «Ну как же! Печеньку, Айка!»

Пытаясь их игнорировать, Аглая смотрела только на брата и с чувством обещала ему: «Убью!» Но не убила, а сама взялась рисковать своей жизнью ради него, когда он лишился ног и потребовались деньги ему на операцию. Любимая сестренка, самый родной человек! И теперь Ромка сам не мог понять, как же так получилось, что он оказался способен нарушить ее покой ради совершенно другой, чужой им всем девушки.

Айка всей душой была против затеянной им авантюры и весь предыдущий вечер не отходила от него ни на шаг. Но не была бы сама собой, если бы уже утром, расставаясь с ним, ехидно не бросила:

– Может, навещу тебя как-нибудь. Печеньку даже, может быть, с собой прихвачу.

– Смотри, не забудь! – усмехнулся Роман, целуя сестру на прощание.

И – вот она снова, «Алая зорька»! Спустя столько лет и столько событий тоже.

Лагерь располагался не у самого моря, а на некотором отдалении, на склоне горы, так что, если выйти на набережную, его можно было видеть – по крайней мере, все то, что не скрывали собой вековые ясени, растущие на территории. И, снова начав ходить, Роман нередко смотрел на лагерь с берега, вспоминая детство. Но давно уже не приближался к нему. Тем более так, как сейчас, в инвалидном кресле, оставив дома свои дорогостоящие протезы, которые ему были ни к чему, согласно выбранной роли. По старой асфальтированной дороге, оставшейся еще с советских времен. К старым же массивным воротам, на которых еще можно было рассмотреть облезлую пионерскую атрибутику – горн, барабан и пионерский галстук. И все это на фоне восходящего солнышка, символа лагеря. Только оно вопреки названию было когда-то не алым, а желтым и лучистым – на алом фоне потерялся бы красный галстук.

Эти ворота многое повидали! И те времена, когда лагерь был действительно пионерским, и те, когда он стал просто детским лагерем отдыха, каким его хорошо помнил Ромка. Потом он все-таки закрылся вслед за мучительной агонией и развалом шефствовавшего над ним предприятия. Ну а теперь и вовсе был кем-то выкуплен. И солнышко стало серо-зеленым, облезнув и окислившись.

Но ворота по-прежнему стояли на своем месте. Зато забор, отбегающий в обе стороны от них, был новым. Глухим, высоким, из добротных листов железа. И глазки камер установлены, вместо двух пионеров, во время сезона дежуривших у входа на территорию.

Роман застыл перед воротами в своем кресле, отдыхая после преодоленного пути и прекрасно понимая, что рано или поздно его должны здесь будут заметить. Последние минуты, проведенные на свободе! Когда он теперь будет

принадлежать самому себе, не чувствуя себя заключенным?

Но не успел он об этом подумать, как за воротами мелькнула тень, скрипнула прорезанная в них калитка, и навстречу Роману шагнул бородатый мужчина с волосами, перехваченными кожаным ремешком, и в такой же безликой, как у Ланы, одежде.

– Мир тебе, человек! – приветствовал он Романа, не поднимая глаз. – Что ищешь ты здесь?

– Мир тебе, брат мой в вере! – ответил Роман, не зря в свое время хотя бы вполуха слушавший Ланочкины проповеди. По крайней мере, манеру общения, принятую в этой секте, он усвоил. – Познав ваше учение, я пришел к вам, чтобы продолжить приобщаться к вере истинной. Примут ли меня здесь?

– Конечно, брат мой! – Теперь привратник взглянул на вновь прибывшего с такой теплотой во взгляде, что в другой ситуации Роман ни за что не удержался бы от на редкость язвительного комментария. Но человек, пришедший сюда, чтобы стать новообращенным адептом, от этого взгляда должен был просто растаять, что Ромка и постарался добросовестно изобразить. – В этих стенах с радостью примут каждого, кто готов служить богу, вместо того чтобы губить свою душу служением сатане, – коротким взмахом руки мужчина указал на город, раскинувшийся вдоль длинной набережной. А потом во всю ширь распахнул калитку. – Проезжай, брат мой! Я провожу тебя к наместнику Никодиму, и дальнейшую беседу ты будешь вести уже с ним.

Роман заехал. Потом двинулся на своей каталке по мощеным дорожкам, почти не изменившимся за пролетевшие годы. Разве что от статуй вдоль них остались теперь одни полуразрушенные пьедесталы. Но Ромка рассматривал не произошедшие изменения – нет, он отрывал глаза от дороги только тогда, когда боковым взглядом улавливал чье-то движение: не Ланочка ли там идет? Ведь здесь у него было гораздо больше шансов на то, чтобы ее встретить, даже случайно. Если только она в числе других сектантов снова не отправлена в город, проповедовать.

Но и в самом лагере людей встречалось немало. И все они проходили мимо по своим делам, даже не поднимая глаз от земли.

Наместник Никодим, обосновавшийся в бывшем домике коменданта лагеря, оказался куда общительнее и не в пример упитаннее всех тех, кого Ромка успел рассмотреть по пути.

– Мир вам, брат Никодим! – первым приветствовал его Ромка, едва только их встреча состоялась.

– Отец Никодим, – мягко, воистину по-отечески поправил его бородатый крепыш. – Отец всей нашей пастве. Вот они-то и будут твоими братьями и сестрами по вере твоей. Кто из них тебя приобщал, побудив сюда прийти?

– Сестра Лана, отец Никодим.

– Так ты брат Роман? – совершенно неожиданно спросил наместник. – Удивительно! Сестра Лана отзывалась о тебе, как о не подающем особых надежд.

– Да, это я, – согласился Ромка, сразу сделав для себя несколько выводов: во-первых, за отпущенными в город сектантами кто-то явно присматривает, пусть даже издалека, а во-вторых, требуют от них подробного отчета об их деятельности. Так что, в-третьих, тут ухо надо держать востро и даже в городе не расслабляться! – Сестра Лана по доброте душевной продолжала со мной работать. Видимо, чувствуя, что я все же не так безнадежен, как кажется. И была права! Я просто не люблю преждевременно выказывать своих мыслей и чувств, отец Никодим. Жизнь меня на этом прижгла, – он кивнул на свои культи. – Однако многое из того, что я услышал от сестры Ланы, оказалось мне близко. А еще меня давно раздражает вся бесцельная, мышиная возня этого мира. Хочется видеть идею и смысл в том, что я делаю. Вместо того, чтобы просто небо коптить в погоне за безделушками.

– Я понимаю тебя, сын мой. Так что ты рассчитываешь в себе изменить, придя к нам?

– Многое. Но прежде всего – свое будущее. Чтобы хоть в следующей своей жизни нормально пожить. Ведь пусть многие над этим и смеются, но я лично верю в реинкарнацию.

Еще как минимум минут десять вдохновенно неся весь этот бред, Роман мог только надеяться, что не выглядит сейчас совсем уж откровенным идиотом. Но оказалось, что нет! Или здесь привыкли иметь дело с людьми совершенно иного склада? А может, наместнику на самом деле и вовсе было плевать на все устремления «духовного чада». Главное – в секту пришел еще один адепт, еще одна пара рабочих рук.

Выслушав Романа, Никодим сам задал ему несколько вопросов о его прежней жизни. Зная о размахе секты, Роман не исключал, что его, инвалида, с приходом сюда могут отправить на паперть. Но, всей душой испытывая отвращение даже при мысли об этом, он прежде всего заговорил с отцом Никодимом о том, по какой специальности он работает и какой вклад мог бы внести в общину. Наместник выслушал его благосклонно, но потом сокрушенно вздохнул:

– Роман, чадо мое! У нас могут возникнуть проблемы с персональной доставкой на твое прежнее рабочее место. Так что о твоем трудоустройстве мы после поговорим. Если ты и в самом деле хороший автослесарь, то твоя помощь и здесь бы иногда пригодилась. Однако я пока ничего не могу тебе обещать.

– Я хороший автослесарь, – заверил Ромка. – И пусть мое кресло вас не смущает.

Заинтересовавшись, отец Никодим все-таки распорядился проводить Ромку в автомастерскую, где его вежливо попросили диагностировать единственную находящуюся там старую, раздолбанную колымагу. Что Роман и сделал, попутно оценив мастерскую наметанным глазом. Яма оборудована на совесть, прекрасное освещение. А еще – отличный подъемник и пневматические домкраты. Для чего? Явно не для воскрешения дохлого металлолома. Но он не стал это обсуждать с собравшимися. Вместо этого четко выдал, какими способами можно реанимировать старое корыто, чтобы оно еще могло послужить. А под конец, словно бы в шутку, сообщив, что это нерентабельно и что гораздо проще угнать другое, похожее, просто перебив номера. Тут же спохватился под устремленными на него взглядами:

– Простите, братья мои! Мои мысли еще по-мирскому грешны…

– Все мы грешники, сын мой, – мягко утешил его отец Никодим, вместе с ним покидая мастерскую, перед которой Ромка заприметил колею, наезженную явно не старым корытом, стоящим внутри. Судя по отпечаткам колес, эта машина

была крупнее и тяжелее.

Ромка взял себе на заметку выяснить, что она может сюда привозить. А пока вместе с Никодимом снова устремился к центру лагеря, где должна была решиться его судьба на ближайшее время.

6

Как выяснилось, Роман заблуждался, думая, что практичные руководители секты на следующий же день попытаются пристроить его к какому-либо делу и что у него будет свобода передвижения по территории лагеря, благодаря чему он вскоре сможет увидеться с Ланой. Нет, вначале ему, наряду еще с несколькими новичками, организовали вступительный период в бараке с почти тюремным режимом, от которого у менее крепкого человека, наверное, и крышу могло бы снести. С утра и до вечера – пост и молитвы, молитвы и пост. И проповеди, проповеди без конца!

Те, кто пришел в этот лагерь действительно с верой, из нее, наверное, и черпали силы, чтобы все это пережить. Роману оставалось уповать лишь на свой внутренний резерв. Вставать его, наряду с другими бедолагами, заставляли еще до рассвета, а падали они на свои матрасы уже в районе полуночи. На голые матрасы, брошенные прямо на пол. Впрочем, оно было и к лучшему, что спали на полу: учитывая плотность населения в этом небольшом бараке и душные летние ночи, при наличии кроватей было бы еще хуже.

Роман и так порой подолгу не мог заснуть, ворочался, пытаясь нащупать на своем тюфяке участочек попрохладнее и ловя между досками хоть какой-нибудь сквознячок, мечтая при этом включить кондиционер, принять душ и нормально пожрать. И заранее зная, что вскоре сквозь незаметно и тяжело навалившийся сон в одуревшую голову снова ворвется пронзительный голос кого-то одного из трех наместников: «На молитву, дети мои! На молитву! Солнце скоро встанет! Спешите спасти ваши души!»

Многие, тупея в такой обстановке, все никак не могли запомнить этих молитв, хотя совершенно искренне старались это сделать. Ромка запоминал. Хотя у него вместо религиозного рвения в душе ключом била желчь, а в мыслях вместо

требуемого смирения уже день так на третий не осталось ни единого приличного слова. Но, наверное, эта злость, обостряемая еще и жестким постом, как раз и помогала ему существовать. Осматриваться, изучать обстановку, сохранять ясность мыслей. А вот сдерживать кипящие эмоции ему помогало уже наличие той самой цели, ради которой он сюда пришел.

Легче всего было вспылить и послать подальше всех «святых наставников» с их проповедями и молитвами. Но не сворачивать же с полпути после того, как сумел попасть в этот лагерь, преодолев все протесты Гены и Айки?

А еще он должен был выстоять потому, что и она когда-то все это пережила. И неудивительно, что после такой обработочки стала послушной рабой, позволяющей делать с ней все, что только вздумается наместникам. Они ведь попросту зомбировали тех, кто к ним приходил! И если люди пришли по доброй воле, без того внутреннего сопротивления, что было у Ромки, то, надо думать, в процессе такой «адаптации» их сознание превращалось в чистый лист, на котором потом можно было писать заново все, что угодно.

Ромка все больше убеждался в этом, слушая редкие и тихие разговоры своих соседей по бараку и поражаясь тому, что ни у одного из этих людей даже мысль не мелькнула опомниться и сбежать. Наоборот, в головах, стремительно тупеющих от такого образа жизни, все прочнее укоренялась вера в необходимость «молитвенного подвига», который совершается здесь. У Ромки порой создавалось впечатление, что находящиеся рядом люди подсаживаются на какую-то невидимую психологическую иглу, с которой слезть с каждым днем все труднее.

В конце недели у одного из новичков случился припадок. Он вскочил среди ночи, бегал, орал, что бесы пытаются утащить его отсюда, из гавани, способной спасти его душу, чтобы вдали от нее окончательно погубить. В итоге его куда-то утащили прибежавшие на шум «духовные братья» из старожилов, и в последующие несколько дней Роман его больше не видел. Впрочем, не особо и высматривал.

Кого он мечтал увидеть – так это Лану, хотя бы мельком! Но новички содержались отдельно от других, в укромном уголке огромного лагеря, куда, казалось, даже птицы лишний раз старались не залетать. Так что на исполнение этой мечты не стоило даже надеяться, равно как и на то, чтобы дать о себе знать Айке с Геной. Хотя при прощании они обговаривали такую вероятность,

что в первые дни он, шагнув за этот высокий забор, полностью пропадет из зоны их досягаемости, но все равно он знал, что они там сходят с ума от тревоги. А сделать с этим ничего не мог. Оставалось только терпеть. И душными ночами, и во время молитв, все больше напоминающих шабаш психопатов, и во время проповедей, когда в сознание просто вдалбливали очередную «истину», повторяя ее на все лады хорошо поставленным, проникновенным голосом, и во время «трапез», где день за днем раздавали только теплую воду и черствый хлеб.

И вот в один прекрасный день все закончилось! После очередной молитвы отец Никодим не отослал всех, как обычно, в барак, а обратился к ним с вдохновенной речью о том, что все они достойно прошли через свое очищение, и теперь… Из всего озвученного репертуара четче всего для Романа прозвучала новость про праздничный ужин. Состоявший, как оказалось на деле, из миски каши. Впрочем, после длительного голодания это было, пожалуй, разумно, иначе наряду с иногда возникающими истериками наместникам пришлось бы еще столкнуться с проблемой кишечных колик.

Но они в своем деле были не новичками! Разбавили ужин проповедью, потом устроили внеплановый отдых. Не то чтобы полноценный, но все же оказавшийся способным освежить вскипающие от недосыпания мозги. А потом торжественно объявили о том, что сегодня «новообращенным братьям» выпадет великое счастье лицезреть не кого-нибудь, а самого преподобного Евстафия, который явится к ним собственной персоной для того, чтобы произнести перед ними напутственную речь, с которой все они вступят в новую жизнь.

Зная, что за ним, как и за другими, со стороны сейчас может кто-нибудь наблюдать, Роман постарался изобразить на своем лице восторг от услышанного. И наряду с другими поспешил в бывший летний кинотеатр – сооружение лишь с навесом, без крыши, где уже готовились к приему высокого гостя, который в другие дни, если верить рассказам наместников, изводил себя в уединении постом и молитвою.

* * *

Иннокентий приезжал в лагерь регулярно, чтобы лично забрать у наместников недельную выручку, на которую ему вначале приходили составленные отчеты. И еще для того, чтобы на месте обсудить с наместниками возникшие за неделю

проблемы – здесь, на территории лагеря, тщательно охраняемой от постороннего проникновения, делать это было гораздо безопаснее, чем в его квартире или где-либо еще. Но даже тут Иннокентий про осторожность не забывал: все свои регулярные визиты в «Алую зорьку» он наносил не днем, а глубокой ночью, чтобы никто из рядовых членов общины его даже случайно здесь не заметил.

Однако сегодня, когда он решил выступить со «словом божьим» перед новообращенными, попутно и остальных «чад» вдохновив своим появлением, можно было, по совместительству, еще и внеплановое совещание провести. Чем Иннокентий и занялся, сразу после прибытия в лагерь тенью проскользнув из машины в особняк к наместникам. Собрал там их, всех троих, пока Захар гримировал его перед выходом к публике: наносил на его лицо специальный светящийся состав, еще одно творение Архипа, активизирующийся под действием тепла.

– Как брат Тихон? Все-таки твердо решил уйти из общины? – для начала спросил Иннокентий у Никодима, курировавшего в секте нищенскую братию и работников.

– Да. Уже ушел. Еще позавчера. Жена к нему, видишь ли, вернулась, и оттого все его жизненные планы враз изменились. Расхотел себя здесь хоронить, в грешный мир возжаждал вернуться. Но у меня уже есть, кем его заменить. Парень из новеньких. Похоже, неглупый малый, и, главное, настоящий инвалид. Правда, он же еще и специалист по автотехнике. На деле, не на словах: я ему тут маленький экзамен устроил…

– Сам решай, куда его лучше поставить, – перебил Иннокентий. – Только не торопись, если в мастерскую надумаешь отдать. Присмотритесь к нему вначале как следует. А что касается Тихона, то его теперь должна постичь кара божья за его отступничество и в назидание всем остальным. Тянуть с этим не следует, чтобы все выглядело именно как наказание, а не как несчастный случай. Скажем, пусть это завтра случится. А потом ненавязчиво, не сразу, но все в общине должны будут об этом узнать. Чтобы, если кому еще в голову взбредет нас покинуть, сто раз бы перед этим подумал. И уже предполагал бы, что такой шаг может для него не остаться безнаказанным. Не нами накажется – богом. Захар, ты у нас за господа будешь кару вершить, – распорядился Иннокентий, взглянув на стоящего за спиной помощника через зеркало. – Не убивай! Сделай так, чтобы для законников все походило на несчастный случай. А для нашей

паствы – на промысел божий, и чтобы на них этот пример подействовал наверняка!

– Передоз пойдет? – невозмутимо спросил Захар, продолжая гримировать своего шефа. – Можно Архипа попросить, когда протрезвеет. Он умеет составлять такой коктейль, после которого подлый отступник, променявший бога на бабу, до конца своих дней останется овощем, на страх всем другим. Ну а я уж возьмусь ему это вколоть.

– Хороший вариант, – одобрил Иннокентий. – С этим решили, дальше идем. Банк. Мне нужен банк, не государственный, естественно. Но лицензированный и успешный. Если мы не обзаведемся таким в ближайшее время, то наши растущие капиталы так и будут валяться в сейфе без всякой пользы, вместо того чтобы легализоваться и множиться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kozhevnikova_dar-ya/noch-padshih-angelov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити